

КОНСТАНТИН ТУМАНОВ

ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

Константин Туманов

Запасный выход

«АСТ»

2016

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Туманов К.

Запасный выход / К. Туманов — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-096935-7

Военному фотографу Олегу Караулову становится известно о существовании портала, выходящего в глубокое прошлое. Наблюдающий в горячих точках планеты возрастающее напряжение в отношениях между Россией и США и уверенный в неизбежности глобальной войны, Олег решает: портал может стать запасным (то есть аварийным или экстренным) выходом для многих людей. Рассчитывать приходится только на свои силы и ресурсы. Но зато там Юго-Восточная Африка. Еще не открытые европейцами Трансвааль и Кимберли. В ходе разведки становится ясно, что на той стороне 1760 год. Близится золотой век Российской империи. А с помощью новой, «африканской России», способной контролировать морские пути в Индию, можно привести Российскую империю в число по-настоящему великих держав.

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096935-7

© Туманов К., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Константин Туманов

Запасный выход

Роман

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

© Константин Туманов, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Выбраться из ущелья оказалось не так-то просто. Сложившиеся, покрытые мхом и лишайниками каменные склоны выдавали весьма преклонный возраст местных гор. Подъем по большому счету не настолько и крут, чтобы по нему сложно стало взбираться. Тем более имея за плечами немалый опыт горных восхождений. Вот только густые заросли какого-то колючего кустарника настолько опутали все вокруг, что путь превращался в какой-то непрерывный подвиг. Кусты оказались высокими, практически по грудь, с маленькими темно-зелеными листьями и многочисленными меленькими колючками.

Дно ущелья и вовсе можно только нащупывать ногами среди этого зеленого моря, колыхающегося под дуновением теплого, явно не осеннего ветерка. И запах... Такой неуловимо знакомый, что хотелось зарычать от невозможности его вспомнить. Разбросанные тут и там в хаотическом порядке большие и малые булыжники сразу превращали движение вниз по распадку в замысловатый акробатический номер с предсказуемым неприятным результатом. Идти пришлось вверх: видневшийся вдали гребень хребта, по крайней мере, таковым он казался снизу, прямо-таки манил чистыми от зловредной растительности скалами.

– М-да. Мечта мазохиста. И ведь придется лезть. Тут даже нож не поможет, газонокосилка нужна. О, бензопила, точно. «Дружба» тут быстренько демократию бы навела, с плюрализмами. Всех под один гребешок уравнила бы...

Привычка мысленно разговаривать самому с собой у меня появилась еще с Афгана. Тогда пришлось почти неделю прятаться в полузаброшенном кяризе – древнем рукотворном русле подземного ручья. Одно хорошо – воды там было много. Даже слишком. Потом еще дней десять ночами выбираться почти по гребням горных хребтов, выше найденных местными «товарищами» тропинок, в населенные более-менее дружественными племенами места. Пусть страшно медленно, зато безопасно. Почти.

Нет, я, к счастью, не воевал в советские времена в составе ограниченного контингента. Для этого был слишком молод. Побывать там пришлось гораздо позже и даже дважды. К счастью, только та командировка выдалась настолько «интересной». Одни лишь воспоминания о ней заставляли организм непроизвольно передергиваться, будто единым духом грамм двести сивухи жажнул. Из развлечений все это время – только неслышные внутренние монологи. В основном матерные.

Даже единственный оставшийся к тому времени целым фотоаппарат превратился во временно бесполезный предмет. Возможности зарядить аккумуляторы к нему не представлялось уже удручающе давно. Правда, до того, чтобы болтать вслух, дело все же не дошло. К счастью, до маразма пока далеко.

Мысленно поминая всеми известными мне нецензурными словами кусты, сквозь которые приходилось буквально продираТЬ себе дорогу, и всех возможных родственников этой растительности по материнской линии, я принялся постепенно продвигаться вверх по склону. Здравое рассудив, что захваченную с собой в это путешествие легкую куртку жалеть не стоит, все равно ее теперь только выкидывать, сосредоточился на движении. И на том, чтобы не цеплять ветки стволом предусмотрительно взятого у отца охотничьего карабина «Форт-205». Внешне практически неотличимый от настоящего армейского «калашника», он был почти привычен. Именно из «калаша» в армии в свое время и учился стрелять. Хотя, по возможности, старался в своих «путешествиях» по горячим точкам обходиться без применения стреляющих «игрушек». У меня другое оружие. «Убойность» у него временами похлеще огнестрельного.

Кофр с вполне современным полупрофессиональным «Никоном» и компактной японской видеокамерой висел за спиной, под рюкзаком, и в общем-то не мешал смотреть под ноги.

Обидно было бы пропустить «живой» камень, готовый в самый неподходящий момент сдвинуться с места. Горы не любят невнимательных. И ошибок не прощают.

Через каждые несколько шагов приходилось на долю секунды замирать и окидывать боковым зрением окрестности. Привычка, вбитая в подкорку мозга несколькими приятелями из спецподразделений, с которыми время от времени приходилось пересекаться в командировках. Она уже пару раз спасала мне если не жизнь, то здоровье точно. Так что пренебрегать мерами безопасности я не собирался. Тем более находясь в одиночку в совершенно незнакомой местности. Бог его знает, какие неприятные сюрпризы могут таиться в этом, на первый взгляд идиллически мирном, пейзаже. Шаг. Еще шаг. Раздвинуть ветки, поднырнуть. Выпрямиться, оглядеться. Новый шаг. Беречь дыхание. Заречься курить. Шаг.

Спустя примерно час такого неторопливого подъема злобный кустарник начал понемногу редеть. Идти стало заметно проще, что не замедлило сказаться и на темпе. Несмотря даже на то, что крутизна склона стала понемногу увеличиваться. Вскоре заросли буйной темно-зеленой растительности и вовсе отступили, оставшись за спиной. Дальше было зеленое царство вольготно раскинувшихся на скалах мхов и лишайников самых разнообразных оттенков.

Судя по тому, как они крошились под подошвами тяжелых берцов, дождями эту местность погода давно не баловала. Как минимум пару недель, все же солнечная сторона подсыхает быстрее. Что тоже не могло не радовать: поскользнуться на напоенных водой естественных губках было бы проще простого. Растяжение, ушиб, или не дай Создатель, перелом – штуки, мягко говоря, не очень приятные. Проверено, к сожалению, на себе, любимом. Тем паче что пришлось бы как-то возвращаться и отложить разведку этой местности на неопределенный, но явно продолжительный срок. Чего категорически не хотелось. Любопытство исследователя, эдакий зуд первопроходца, подстегивало не хуже кнута надсмотрщика на галере.

Впрочем, так было всегда. Именно это чувство, а также страстная жажда путешествий заставили много лет назад увлечься горным туризмом. А врожденная авантюристская жилка вкупе с увлечением фотографией определили выбор профессии, которую так и не одобрили родители. Государство, любое государство, тоже всегда относилось к таким, как я, мягко говоря, без всякого энтузиазма. Регулярные фоторепортажи стрингера, то есть независимого военного фотографа, Олега Караулова, из горячих точек по всему миру показывали неприглядные картины войны без прикрас и купюр, столь любимых чиновниками. Мои снимки чаще всего не требовали ни комментариев, ни подписей. Они весьма красноречиво говорили сами за себя. А готовность редакций ведущих газет и журналов платить вполне солидные гонорары позволила со временем обрести некую финансовую независимость. И подолгу отдыхать, приходя в себя после новой командировки на очередную никем не объявленную войну.

– Ага. Вот, похоже, и подъем заканчивается. А теперь, как говорит дядя Лёня – приз в...

Фраза так и осталась незаконченной. Открывшееся за скалой зрелище оказалось настолько неожиданным, что я только через несколько секунд осознал: тарашиться на открывшийся передо мной вид с открытым ртом, остолбенев с уже занесенной для шага ногой – занятие малопродуктивное.

– А вот и оно, ёперный театр, «дерево»... Точнее целые джунгли этих самых деревьев.

Часть 1

Чтобы вы жили в интересное время

Глава 1

Я лежал на любимом продавленном диване, задрал свои длинные ноги на спинку, и пролистывал очередную книгу. Выцветшая когда-то черная футболка с физиономией Курта Кобейна, синее трико самого затрапезного вида и китайские тапочки... Все вполне сочеталось со стареньким, выдавшим виды поцарапанным планшетом. Нет, конечно, можно приобрести себе в компьютерном салоне что-то поновее, помощнее и явно более красивое. Но привычка к старым, давно ставшим привычными вещам не оставляла обновкам ни одного шанса. Тем более, вернувшись недавно из очередной командировки, я не был настроен в ближайшее время покидать не только квартиру, но и, собственно, облюбованный диван.

С экрана плазменного телевизора, висевшего на стене напротив, что-то вещала очередная крашенная блондинка: шел выпуск новостей. Вот только что именно опять стряслось в безумном внешнем мире, для меня так и оставалось тайной – звук был выключен. Но и тишины в комнате не наблюдалось. Мягко говоря. На столе, отблескивавшем прямо за диваном темным матовым лаком, стоял раскрытый ноутбук. Подсоединенные к нему мощные колонки исторгали рев тяжелого рока, заставлявшего вибрировать даже штукатурку на потолке. Хрипели басы, но необходимость настройки проигрывателя меня несколько не беспокоила. Музыка – всего лишь фон, который мозг едва ли вообще замечал.

Да и книга Лоис Буджолд, страницы которой регулярно мелькали на экране планшета, не могла претендовать на полное и безоговорочное внимание. Собственно, я и так прекрасно знал ее всю, до последней строчки, поскольку читал как минимум дюжину раз. И ничего странного в этом не видел. По моей собственной классификации, произведение принадлежало к «разряду» классики фантастического жанра. Я уже давно наслаждался не столько сюжетом, сколько слогом автора (и хорошего переводчика) и грандиозностью ее задумки, изяществом воплощения идеи. И то, что далеко не все разделяли мою любовь к этой книге, не делало ее менее интересной.

Ощущение покоя, практически нирваны, не прервал даже низкий звук сотового телефона. Виброрежим заставил аппарат немного поерзать по гладкой, полированной поверхности стола, но я даже руки к нему не протянул. Экран в последний раз подмигнул надписью «Имеются пропущенные звонки» и погас. Судя по настойчивости неизвестного абонента, явно ненадолго. Телефон, выдавшая виды «Нokia» с широким экраном, был включен час назад и за столь короткое время уже трижды добивался внимания к себе. И это удивительно само по себе. По идее, никто вообще не должен знать, что я вернусь сегодня. Еще утром сам об этом не подозревал, и, если бы не подвернувшаяся оказия с транспортом, двери своей квартиры в пригороде Питера я открыл бы только завтра. Даже отцу, отставному военному, не сообщил о прибытии. Знал, что тут же последует приказ бросать все дела и приезжать. Противостоять напору бывшего полковника даже теперь, после его выхода на пенсию, было непросто.

От лениво текущих размышлений о личности несостоявшегося собеседника меня отвлек собственный организм. Недвусмысленно напомнивший: стоявшая возле дивана полулитровая кружка для чая опустела не сама по себе. Два раза. А если кому-то все же лень вставать, то водичка дырочку все одно найдет. Столь категоричное предупреждение проигнорировать оказалось уже никак невозможно, так что пришлось с кряхтением подниматься. Шевелиться лень было уже давно, и тело несколько затекло.

Посетив место для размышлений и выйдя на кухню, нажал кнопку включения на электрочайнике. Раз место в организме освободилось, его можно было наполнить снова. Мысли же приняли более упорядоченный вид и принялись виться вокруг так некстати появившегося вопроса – кто же все-таки звонил.

Расточая аромат настоящего, а потому крепкого чая, кружка снова устроилась на своем месте у дивана, прямо под правой рукой. Вновь засветился экран планшета, однако телефон решил-таки помешать насладиться чтением. Несколько раз пискнув сигналом приема sms-сообщения, он недвусмысленно подмигнул и снова погас.

– Выключить его, что ли? Достал уже, самка собаки, хуже горькой редьки. Хотя...

Сообщение обещало предоставить больше информации для размышления, чем пропущенные звонки неизвестного абонента, и аппарат все же оказался в руках. Привычными движениями я набрал пароль, и мои брови от удивления поползли вверх. Вопрос о том, как звонивший узнал о моем приезде домой, снят. Естественно, что в соседней квартире играющую на всю громкость музыку слышно хорошо. Если уж в наших «панельках» слышно, как соседи огурцами хрустят... Но вот помешать Виктору Викентьевичу Третьякову, живущему этажом выше уже не один десяток лет, она вряд ли могла.

Работавший когда-то в одном из закрытых НИИ пенсионер вообще редко выходил из дома, занимаясь своей любимой наукой. Вечно погруженный в размышления, старик мог не услышать собеседника, стоящего прямо напротив него, а не то что музыку через бетонные перекрытия. И, сколько я себя помнил, никогда не жаловался ни на какой шум, сколько бы децибел не исторгали колонки.

Зато пришлось ломать голову над новой загадкой: что понадобилось отставному физику. Нет, отношения у нас сложились нормальные. И в гостях у него много раз сживал, поболтать о науке да чайку попить я любитель. Да и само общение с Виктором Викентьевичем было делом интересным. Практически энциклопедические знания делали его весьма и весьма незаурядным собеседником. Одно в этой ситуации было плохо. Проиигнорировать сообщение было нельзя, очень уж не хотелось обижать старика. И сделать вид, что никого нет дома – тоже не получится: Кипелов во всю мощь динамиков орал песню, теперь о леснике.

Бросив полный сожаления взгляд на исходящую паром кружку с любимым чаем, я принялся переодеваться. Потертые домашние джинсы, приличного вида футболка, новые носки – явно придется разуваться. Из-за минутного разговора старый ученый не добивался бы встречи так настойчиво. Можно, конечно, пойти и в чем был, тут-то подняться всего на один этаж. Но этого человека я уважал, и появляться перед ним в любимых, но застиранных «трениках» как-то не хотелось.

Недолгий подъем по лестнице закончился перед явно недавно окрашенной в утилитарный коричневый цвет, но старой, еще советской, дверью. Нажав на пластмассовую кнопку звонка, я приготовился к долгому ожиданию – пенсионер передвигался не то чтобы с трудом, но и не быстро. Однако не на сей раз. Хозяин квартиры, казалось, стоял прямо за дверью – настолько быстро он ее распахнул.

– А, Олежек, заходи, заходи. Небось, от чая тебя оторвал?

– Все-то вы знаете, Виктор Викентьевич, – я приветливо улыбнулся и прошел в квартиру, повинаясь жесту хозяина.

– И когда приехал и что делаю, все известно.

– Трудно не догадаться, что ты уже дома. Рев того, что вы, молодежь, называете музыкой, половина подъезда слышит. А про чай и гадать не нужно. Ты его в таких количествах поглощаешь, что мне, старику, страшно становится. И твою «сиротскую» кружечку я тоже видел, так что Нострадамус тут совсем не нужен. Пойдем на кухню, чем-то новеньким порадую. Знаю, кому в Китае хорошие люди угостили, он и поделился чуть-чуть. Ты такое вряд ли пробовал. Ну и поговорим заодно.

В маленькой кухоньке, не больше шести «квадратов», как всегда чисто и опрятно, хотя я знал точно – женщин в этом доме нет уже лет десять. С тех пор как старый ученый овдовел. Сам же я имел исконно холостяцкую привычку – мыть посуду перед едой, а не после. Но аккуратистов всегда уважал как человек, сам к такому подвигу заведомо не способный.

Усевшись на свое излюбленное с юности место – между холодильником и столом, – я с удовольствием начал наблюдать за священнодействием приготовления чая. Праздной болтовни, по нашему общему мнению, эта процедура не терпела, так что в помещении на несколько минут установилась тишина, прерываемая лишь тонким звяканьем фарфоровой посуды и сиплым дыханием хозяина квартиры.

Вскоре по дому поплыл аромат свежесваренного чая, и явно не того, что продается в магазине за углом. Несколько минут мы оба наслаждались напитком, а потом пенсионер решительно отставил чашку и откинулся на спинку обитого кожей стула.

– Все еще читаешь фантастику?

Удивленный столь необычным началом разговора, я лишь молча кивнул.

– Тогда эта история как раз для тебя. В том смысле, что тебе будет легче воспринять такую информацию. Ты готов услышать нечто, что вполне может перевернуть представление о мире?

– Прекращайте уже интриговать, Виктор Викентьевич, – я заинтересованно уставился на него и оперся спиной о тихонько вибрирующий холодильник, баюкая в руках чашку с ароматным напитком.

– От вас я готов услышать все что угодно. Как раз вы любовью к фантастическим историям не отличаетесь.

Старик неожиданно молодо ухмыльнулся, подмигнул и тоже взял в руки чай.

– Только об этом разговоре, я тебя прошу, пока никому не говори. Ни о его сути, ни о том, что он вообще состоялся. Договорились?

– Вы же знаете, – я неопределенно пожал плечами, – в излишней болтливости я пока замечен не был.

– Так то замечен, – подколот собеседник, и мы негромко рассмеялись старой как мир шутке.

– В последние годы перед развалом Союза, – старый физик вновь стал серьезен, – наш отдел в институте занимался так называемыми спонтанными волновыми проявлениями. Проще говоря, в некоторых местах на Земле приборы фиксировали некие электромагнитные аномалии. Я говорю некие, потому что исследованы они тогда толком так и не были. Встречались крайне редко, мы знали лишь о трех таких местах на территории Советского Союза, причем два из них – в труднодоступной местности. На Крайнем Севере и на Памире, высоко в горах Таджикистана. Да и засечь их не так-то легко. Возникали эти явления, назовем их так, лишь эпизодически, нерегулярно. И для засечки нашей аппаратурой необходимо было оказаться не только в определенном месте, но и в нужный момент. Сам понимаешь, что подобные совпадения как минимум редки.

– Да и ресурсов в отделе имелось не так чтобы и богато, – немного помолчав, продолжил он рассказ. – Мы же не могли предъявить руководству института что-то общественно или научно полезное, какой-то «выхлоп» от исследований. Вот и вели их больше вопреки системе, только по бюрократической инерции, финансировавшей проект, чем благодаря ей. А потом всем и вовсе стало не до того. Институт быстро развалили, сотрудников разогнали, здания приватизировали. Очередной торговый центр построили. Кто-то, как я, ушел на пенсию. Некоторые подались в предприниматели. Да везде так было, сам знаешь. Сам видел человека, закончившего кроме новосибирского политехнического «плехановку» в Москве. Трусами женскими на рынке торговал.

Я задумчиво кивнул и отхлебнул чая. Чем занимался Виктор Викентьевич, в подробностях до сего дня слышать не доводилось. Не то чтобы эта тема считалась все эти годы запретной, просто на нее негласно было наложено некое табу. А потому разговор становился уже как минимум интересным.

– Так вот. Только три человека из нашего отдела продолжили заниматься разработкой этой темы на голом энтузиазме. В свободное, так сказать, время. И двое из нас тогда осели не здесь, а в Горно-Алтайске, именно по той причине, что там находится самая легкодоступная из известных нам волновых аномалий. Ну, не прямо в самом городе, но относительно недалеко, на территории нынешнего Каракольского природного парка «Уч-Энмек». Двое, в том числе и я, вели больше теоретическую работу.

– Мне выпало работать поближе к «цивилизации», все-таки там небольшой городок, а не научный центр. А Игорь Обойников осуществлял непосредственный съем информации на месте. Третий же наш товарищ, Александр Ивакин, в начале 2000-х годов, когда, собственно, и образовался парк, устроился туда лесником. Он работал с измерительной и контрольной аппаратурой, которую мы установили на месте. Сам понимаешь, у него был свободный доступ в место проведения исследований, а также возможность ограничить таковой у всех праздношающих по лесам. Сейчас там работает его сын: Сан Саныч умер с год назад. Понятно, что работа продвигалась черепашьими темпами и велась, по сути дела, из чистого упрямства.

Третьяков на несколько секунд прервал свое повествование, хрипло переводя дух и отхлебывая чай.

– Так вот. Существовало множество гипотез, так или иначе объясняющих электромагнитные процессы, что мы наблюдали. И как и большинство научных предположений вообще, – старик усмехнулся явно своим мыслям, – все они базировались больше на догадках, чем на фактах. У нас имелись наши записи, данные о характере изредка регистрируемых в этом месте излучений. Но вот точного понимания того, что же там в конце концов происходит, так и не пришло. Помогла чистая случайность. Сын Саныча, Егор, как-то в очередной раз поехал осматривать аппаратуру. Он тогда уже был лесником, частенько подменяя у приборов ушедшего на пенсию отца. И, как нередко это бывало, по приезду обнаружил, что один узел не работает.

Рассказывая, старик все время делал паузы – годы сказывались, и одышка его мучила все больше и больше не только на подъездной лестнице, но и во время долгого разговора.

– Все наше оборудование, по сути, было собрано на коленке из тех запчастей, что мы смогли достать. Купить, выпросить у знакомых радиоэлектронщиков или, уж извини за откровенность, украсть при увольнении из института. Сама идея этих исследований интересовала Егора мало, пользы никакой он не видел, однако отцу и двум его друзьям отказать не мог. Вот и мотался изредка, проверяя абсолютно не нужную ему технику. Он и стал, можно сказать, первооткрывателем.

Виктор Викентьевич неожиданно пронзительным взглядом посмотрел мне прямо в глаза:

– Если бы то, что мы там открыли, стало достоянием так называемой широкой общественности, мне бы, наверное, и Нобелевской премии не пожалели. А Россия как страна перестала бы существовать очень быстро. Сам помнишь, как еще десяток лет назад мы даже не продавали, а просто сдавали американцам все, что было можно. И что нельзя – тоже. Да и сейчас этот процесс замедлился просто потому, что продавать стало нечего – все, что есть, уже давно чье-то. Ради такого лакомого куса нас бы смяли полностью. Поэтому мы молчали. И продолжали свои исследования.

– И что же он там обнаружил, неужто древний клад или летающую тарелку? – Несмотря на полушутливый тон, я мысленно подобрался, понимая, что собеседник вплотную подошел к самой важной части разговора.

– Приехал Егор на место в расстроенных чувствах, дома что-то не ладилось. И, вытащив сгоревший блок, в сердцах изо всех сил запустил им в сторону опушки леса. Тот пролетел

метров десять и... исчез. Просто растворился в воздухе, словно его никогда и не было. Егор настолько опешил от увиденного, что на несколько минут просто обалдел. Это его собственные слова.

– Затем мозги снова включились в работу. Бежать сломя голову искать пропажу он, вот молодец, не стал. Вместо этого принялся швырять в ту же сторону всякий лесной мусор: сучья, прошлогодние сосновые шишки. Результат оказался тот же самый. Причем «проем», в котором предметы исчезали, оказался невелик, около пяти-шести метров в ширину и примерно столько же в высоту. Егор тщательно отметил место, где стоял сам, и границы аномальной зоны. Просто шишек по краям горкой набросал. И только потом помчался за мной.

– Я тогда как раз приезжал в Горно-Алтайск, забирать у Обойникова его записи. Наш с Санычем товарищ уже от дел отошел, да и соображал в своем преклонном возрасте уже намного хуже, чем раньше. Так что решение Егорки было естественным, но уже несколько запоздалым. К тому времени, как мы добрались туда уже вдвоем, «проем» закрылся. Предметы спокойно пролетали там, где каких-нибудь пару-тройку часов назад бесследно исчезали. Остались только отметки Егора. И та старательность, с которой они были сделаны, уверили меня в одном: что-то здесь все-таки происходило.

– Отремонтированные приборы аномальной активности не выявили. Оставалось только ждать ее нового «включения». Они не были регулярными, и предсказать, когда окно откроется в следующий раз, мы не могли. Снял я квартиру, знакомые спаяли блок передачи данных, вдвоем с Егором поставили передающую антенну. Теперь я имел возможность наблюдать за состоянием аномальной зоны из дома, через компьютер.

Старый ученый с кряхтением поднялся и на несколько минут вышел из комнаты. Вернулся он, неся в руках вполне современного вида черный ноутбук.

– Вот, смотри. С помощью этой специальной SCADA-программы я теперь имею возможность наблюдать за тем местом, не выходя из собственной квартиры. Хотя из Горно-Алтайска, хоть из Питера – через Интернет. Обошлась она мне недешево, но дело того стоило.

На экране виднелись изображения по меньшей мере десятка разнообразных датчиков и приборов. Но что именно они измеряют, мое гуманитарное образование понять не позволяло. В любом случае безжизненными они не выглядели совершенно. Стрелки едва заметно колебались, отображались разноцветные графики, чуть подрагивали колонками диаграммы.

– Следующий раз аномалия «ожива» лишь через два месяца, уже зимой. Слава богу, снега выпало не так уж и много. Добраться до заветного ущелья и опушки большой поляны в его «устье» удалось достаточно быстро. Выставленные нами в прошлый раз шесты, как раз по меткам Егора, стояли там, где мы их оставили, а снежки вполне заменили шишки.

Тут Виктор Викентьевич усмехнулся.

– Все было так, как рассказывал сын моего старого приятеля. В «проеме» бесследно исчезало все, что мы туда забрасывали. Видно оказалось даже лучше, чем осенью – девственная снежная целина сразу за «проемом» оставалась нетронутой, каких бы размеров предметы в ту сторону ни летели. Причем длинный сосновый хлыст, просунутый нами в аномалию, укорачивался прямо на глазах. А когда мы его вытащили – оказался той же длины, что и изначально. Следовательно, мы просто по какой-то причине его не видели. А потом мы сделали то, к чему я готовился все это время. На том же сосновом шесте просунули прямо внутрь проема видеокамеру. Когда через несколько минут вытянули ее обратно, она еще работала. А на записи... В общем, сейчас я тебе ее включу и ты сам увидишь все собственными глазами.

Быстро найдя на ноутбуке нужную директорию, Третьяков включил воспроизведение видеофайла. На экране появилось изображение зимнего, поросшего лесом ущелья. Явно наступал вечер, тени от деревьев сделались длинными и неровными. Изображение сначала немного дергалось, выдавая волнение оператора, но затем стабилизировалось и неспешно поползло впе-

ред. Очевидно, в этот момент шест с камерой придвигали к пресловутому «проему». И вдруг экран ноутбука озарил яркий свет.

Камере потребовалось около двух секунд, чтобы приспособиться к новой освещенности. Вовсю светило совершенно не зимнее солнце. Да и снега не было в помине. Вместо леса ветерок прямо перед объективом плавно покачивал ветви и листья каких-то темно-зеленых кустов. Высоко в небе, широко раскинув неподвижные крылья, парила какая-то незнакомая птица. Тут камера поползла обратно, и на экране вновь внезапно возникли запорошенные снегом сосны.

Несколько минут я бездумно смотрел в погасший экран, машинально прихлебывая уже успевший остыть чай. Затем встряхнулся, снова обрел некоторую ясность мышления и внимательно посмотрел на Третьякова. Во мне проснулся стрингер-репортер. Как гончая, уловившая принесенный порывом ветра запах добычи.

– Так что же это было? И удалось ли сделать еще записи происходящего там, – я замаялся, пытаюсь подобрать подходящее слово, – за этим «проемом»?

Несмотря на подчеркнутую маску профессиональной невозмутимости, появившуюся на лице, старый ученый явно отчетливо видел потрясение, перенесенное мной во время просмотра записи. Как и то, что в глубине моих глаз отчетливо зажегся тот самый огонек авантюриста и искателя приключений, из-за которого он, скорее всего, и затеял этот разговор. Что и сказать, знал старик меня как облупленного. Наверное, именно в этот момент Третьяков окончательно убедился в правильности выбора. Я был именно тем человеком, который бы стал его глазами, ушами и руками при исследовании Тайны. Именно так, с большой буквы.

Ему явно хотелось самому сделать тот самый шаг в неизвестность, открыть все секреты, которые пока хранятся за невидимым глазу пологом «проема». Все это «читалось» по нему, как в открытой книге для первоклассников – большими и ясно различимыми буквами.

– Ты, мальчик, родился слишком поздно. Таким цены не было лет триста-четыреста назад, среди первопроходцев и первооткрывателей. И... Да, мы сделали еще записи при следующих возникновениях аномалии. Но в них нет ничего особенно интересного. То же ущелье в разное время суток. Если ты обратил внимание, оно довольно узкое и имеет крутые и высокие склоны. С этой точки многого не увидишь. Что же касается твоего вопроса: «Что это было?», то мой ответ – не знаю. Другое время или параллельная реальность – выбирай объяснение себе по вкусу. Писатели-фантасты придумали их кучу. Но, судя по растительности за «проемом», это какой-то из вариантов нашего мира. По крайней мере, я так думаю. Дело в том, что кусты эти – вполне себе земные. И звездное небо нам снять получилось – отчетливо виден Южный крест.

– Южный крест? Так что же это получается – с той стороны или Южная Америка или...

– Или. Это Африка. Точнее граница между Мозамбиком и Свазилендом. Неподалеку от нынешнего города Мапуту. Вот только в том, что эта граница там уже есть – я сильно сомневаюсь. Да и расчеты координат, как вы любите говорить, «несколько напрягают».

Заметив мой вопросительный взгляд, собеседник чуть заметно пожал плечами:

– Линию горизонта из ущелья не видно, а без этого все расчеты дают сильную погрешность. Сейчас я уверен только в одном: место за «проемом» – северные или северо-восточные отроги Драконовых гор. Других там и нет. А вот где именно... Так что придется определять еще и это.

– Получается другое время? Может, там и динозавры где-то бродят?

– Ну, с динозаврами ты погорячился. Судя по растительности, там достаточно современное нам время. Кустарник этот, как я выяснил, называется «протей». Растение экзотическое, но вполне земное. И встречается как раз в юго-восточной Африке. А птица на видео – орел-бородач, как сказал мне один зоолог. Да и расхождений в расположении звезд с нашим небом знакомый астроном-любитель, к которому я обращался за консультацией, не нашел. А вот если бы за «проемом» был какой-нибудь третичный или меловой период – они бы, расхождения эти, обнаружились обязательно. Все гораздо проще – сканирование не выявило ни одного радио-

сигнала. Вообще. Так что эпоха радио там еще не наступила. Счетчик Гейгера показывает нормальный фон, даже ниже нынешнего.

– Ну что ж, – я демонстративно потянулся к затылку в исконно русском жесте, – динозавров нет уже, радио еще. Уже какая-то определенность вырисовывается, вам не кажется, Виктор Викентьевич?

– Определенность будет тогда, когда кто-то пройдет пару-тройку десятков километров и посмотрит внимательно с какой-нибудь горы по окрестностям с помощью х-а-ррр-ошего бинокля.

– И что же этот кто-то увидит?

– Вот это уже вопрос, как говорится, на засыпку. Может ничего не увидеть. И это будет означать период времени от твоих любимых динозавров до примерно 1500 года от Рождества Христова. Или может увидеть какой-нибудь убогий форт с сотней-двумя поселенцев. А скорее, даже меньше. Значит, Васко да Гама уже прибыл, но это пока не колония, а так, пункт заправки питьевой водой для португальских кораблей, которые и приходят-то в лучшем случае раз-два в год. А может, на берегу большого залива, кстати говоря, одной из лучших гаваней Индийского океана, уже расположился приличный форт с европейского вида городком. Это уже вторая половина XVIII века, даже ближе к концу. Ну, и дальше по нарастающей, до начала века двадцатого.

– И никто так и не попытался пройти на ту сторону и самолично убедиться: на какой же все-таки стадии строительства находится тот самый форт?

– Сам видишь, я старик, – уклонился от прямого ответа Виктор Викентьевич, – я по квартире-то еле-еле шкандыбаю. В «проем» я выходил, но чтобы двигаться дальше, нужны сила и молодость. Ну, или тяжелая строительная техника для прокладки дорог и автотранспорт. Ничего этого, сам понимаешь, у меня нет. Ни молодости, ни техники. А Егор... Трое детей, большая жена, пивной живот. И он боится. Такие как он во все времена сидели дома. Я не хочу сказать что-нибудь плохое, но приключения – не для него.

– А периодичность? Как часто возникает эта самая аномалия? Не хотелось бы все-таки ждать месяцами...

– Хочешь попробовать?

– Можно подумать, вы не для того мне рассказываете, – я криво ухмыльнулся, глядя прямо в глаза собеседнику, – чтобы я «попробовал»...

– Ты прав, – усмехнулся в свою очередь Третьяков. – Надо же, какая догадливая у нас молодежь пошла...

Мы снова негромко рассмеялись, как будто услышали свежий анекдот. Негласное соглашение было заключено. Никто не собирался составлять договоры, расписывать права и обязанности сторон или еще каким-нибудь способом фиксировать это на словах или бумаге.

– А не заварить ли нам еще чайку. На этот раз краснодарского, твоего любимого. Мне, правда, сильно крепкий нельзя. Но, как удачно сказал Штирлиц: если нельзя, но очень хочется, то можно. Хотя бы иногда. И не нужно мне говорить, что он только повторял чужие слова, – пожилой ученый предостерегающе поднял палец, заметив мой открывающийся рот. – Сам знаю.

Я лишь молча кивнул и принялся снова наблюдать на «чайной церемонией». Терпеливо дождавшись, пока старик нальет чай в чашки, вопросительно поднял брови.

– Периодичность тебе абсолютно не важна, – Виктор Викентьевич хитровато прищурился, нарочито громко, по-мужицки, отхлебнул чаю и откинулся на спинку стула. Так и не дождавшись нетерпеливого вопроса «Почему», он одобрительно кивнул моему терпению и продолжил:

– А все потому, что за последний год я сильно продвинулся в своих исследованиях. Настолько, что... могу теперь сам открывать «проем».

Снисходительно посмотрев на ошарашенного меня, он, наконец, соизволил дать объяснения.

– Технические подробности сложны, и по большому счету тебе не интересны. В сильно упрощенном виде это выглядит так: если искусственно воссоздать то самое электромагнитное излучение, которое испускает активизировавшаяся аномалия, то «проем» открывается. И действует до тех пор, пока излучение не прекратится. Проверено опытным путем. Правда, для этого, – тут ученый вздохнул, – пришлось отогнать на Алтай и изуродовать мой старенький «уазик». Аппаратура вышла громоздкой и занимает всю заднюю часть машины, включая пассажирские сиденья.

– То есть пока этот ваш... излучатель работает, проход открыт в обе стороны?

– Именно, мой мальчик, именно. Правда, есть некоторые ограничения. Видишь ли, доступа к современным материалам и комплектующим у меня нет. К великому моему сожалению. Впрочем, нет и опыта работы с такими миниатюрными схемами.

Даже Саныч этого не умел. Поэтому «волновой генератор» получился весьма несовершенным: попросту говоря, во время работы он постепенно теряет синхронность с волновым потоком самой аномалии. Когда разница достигает критической отметки, следует аварийное схлопывание проема, и аппаратуру следует настраивать заново.

– Так что больше чем на шесть часов непрерывной работы не рассчитывай, – помолчав несколько секунд, добавил он.

– Причем, чем дольше излучатель работает, тем больше времени требуется на последующую калибровку. И я не думаю, что кому-то захочется сидеть на той стороне и гадать, смогут ли его вернуть обратно и когда.

Я равнодушно кивнул на тактично-расплывчатое «кому-то». Ежику понятно, что речь идет про меня, но как раз этот аспект перехода волновал меньше всего. Когда необходимо, я мог часами, а то и днями дожидаться нужного кадра или ракурса. Специфика профессии, знаете ли. Так что проблем здесь не видел никаких.

– С шишками понятно. А живую материю перемещать пробовали или со всем пылом исследователя ринулись вперед, в неизвестное?

– Естественно. Без этого я бы и не предлагал принять участие в эксперименте. Были и мыши и собаки. Все перешли «туда» и вернулись «обратно» в добром здравии. Потом мы довольно долго наблюдали за нашими «Белками» и «Стрелками», но никаких патологий так и не выявили. Собачки, кстати говоря, и поныне здравствуют. Я, как ты видишь, тоже пока еще на этом свете. Остальные подробности тебе придется узнавать на собственном опыте. Если, конечно же, ты решишься сделать шаг за грань мира.

– Вы можете «скинуть» видеозаписи на мою флеш-карту? Понятно, что демонстрировать их никому не стоит, но я хочу дома тщательно просмотреть сам, когда вся эта история немного уляжется в голове.

– Разумеется. Неси флешку, я тебе запишу всю информацию. И мои географические изыскания тоже. Будет о чем подумать на досуге.

Как выяснилось много позже, ученый прекрасно понимал, что для него эта дорога закрыта. Эксперименты показали наглядно – встряска организма во время перехода может оказаться для него, старого и больного человека, смертельной. И после одного-то раза отлеживался три дня. Злокачественная опухоль, обнаруженная врачами в голове, поставила крест и на его исследованиях и на его жизни. И оставшийся срок, озвученный медиками в прошлом году, неумолимо истек. Об этом он собирался сказать только перед самым переходом. Как и о том, что Сан Саныч тоже пробовал проходить на «ту» сторону. Он умер после третьего перехода, как раз когда собирался отойти подальше от «проема». Благо о необходимости страховочной веревки они догадались. Так что Третьяков смог вытащить старого приятеля и отвезти

в больницу, но было уже поздно. Инфаркт, как оказалось, тоже третий. Но тогда всего этого я еще не знал.

Глава 2

В поезде я оказался спустя трое суток после разговора с Третьяковым. Очень насыщенных суток. Нет, решение о проведении разведки я принял еще там, в гостях у старика. Время отняла подготовка. От отца унаследовав привычку по возможности все планировать заранее, носился по Питеру как в зад укушенный. Уточнял все новые вопросы у знакомых в самых разных сферах.

Одно из дел, которые нельзя отложить на потом – вакцинация. Подхватить какую-нибудь дрянь не хотелось. Хорошо, после прошлогодней поездки в Ливию весь впечатляющий набор уколов мне был уже не нужен. Однако от обоих гепатитов и дифтерии-столбняка прививаться пришлось. Заодно приобрел в свою аптечку все необходимые препараты в запас. В ближайшее время число первопроходцев, тьфу-тьфу, нужно будет срочно увеличивать. А удастся ли приобрести в Горно-Алтайске все необходимое, пока неизвестно. Заодно и таблетки от малярии купил в той же аптеке. Обеззараживать воду придется только кипячением и спиртом, но «сок пшеничный без мякоти» можно и на месте найти без труда.

В дороге попытался обдумать всю информацию, что смогли предоставить Интернет и Третьяков. Ноутбук работал до тех пор, пока полностью не «сожрал» два аккумулятора, после чего пришлось подключаться к вагонной сети. Впрочем, размышлять – энергии не нужно, только чай. Желательно хороший. Неудобство представляла пересадка на поезд до Бийска – ближайшей железнодорожной станции к Горно-Алтайску. Черт, неудобно-то как! Но ничего не поделаешь.

По всей видимости, придется на какое-то время перебираться в этот алтайский городок: совершать вылазки на разведку «запроемного» пространства было удобнее отсюда. Летел бы самолетом, мог себе позволить, но... Оказалось, тоже с пересадкой. Прямого рейса из Питера до Барнаула, ближайшего аэропорта, не существовало в природе. А пересадка в столице нашей Родины меня не устраивала. По части удобства никакого выигрыша в итоге не получалось, а время можно было не экономить, торопиться некуда. Продираться же через всю Москву, из аэропорта в аэропорт, бр-р-р. Тем более, хе-хе, имея в запасе несколько сотен лет. Шаг, и ты в далеком прошлом. Второй – в настоящем.

Еще один довод в пользу наземного транспорта – оружие. Конечно, оно и разряжено, и завернуто, и отдельно от патронов. Но в аэропорту его пришлось бы сдавать, получать, и все через нашу родимую российскую бюрократию. В купейном вагоне же все гораздо проще, разрешено и в чемодане везти. Да и невелика вероятность, что проверят багаж. Все-таки – границ не пересекать.

В Бийске я собирался немного задержаться. Достаточно большой город, целых двести тысяч населения, и здесь можно сделать все необходимые покупки, включая автомобиль. Гнать сюда по нашим дорогам свой миниатюрный питерский «гольфик», предназначенный для пробок мегаполиса, смысла не видел. Очень уж далеко для исключительно городской машинки. Здесь же лучше всего купить подержанный, но в хорошем состоянии «уазик», для проселков горно-лесного природного парка. А, возможно, и для «той» стороны. Будет не нужен – продам, пусть и немного потеряю в деньгах. Накопления, сделанные за последние годы, позволяли пока финансировать мою задумку. Но, надеюсь, этого делать не придется. И вот почему.

Виктор Викентьевич не стал заострять мое внимание на вопросе географии той стороны. То ли по своей ученой рассеянности не придал значения, то ли нарочно промолчал. А я сопоставил факты уже дома, когда просматривал информацию на своем ноутбуке. По одну сторону от Свазиленда, на возможную близость которого указал Третьяков, были Мозамбик и Индийский океан. А по другую – ТРАНСВААЛЬ. Вот его необъятным золотым запасам и предстоит, надеюсь, профинансировать весь проект.

А план выкристаллизовывался грандиозный – создать на той стороне своеобразную колонию. Все больше разгорался на планете мировой пожар сливающихся друг с другом локальных конфликтов. Вновь началось противостояние США, вкупе с их сателлитами, и России. Стремительно набирающий экономическую мощь Китай, ведущий ползучую экспансию на Дальнем Востоке... Все это не придавало здравомыслящему человеку ни капли оптимизма. Безбожно расходуя ресурсы планеты на наркоманию бытового потребления, транснациональные корпорации все больше и больше нуждаются в перераспределении тех природных богатств, что еще остались в чужих закромах. В свою, понятно, пользу. Вон, какая грызня за Арктику началась. Да и вопли: «Богатства Сибири должны принадлежать всему мировому сообществу» тоже слышны время от времени.

«Подсаженный» на эту иглу западный обыватель, с приплясыванием от нетерпения ожидающий выпуска очередного «Айфона», еще и рукоплескать будет. До тех пор, пока и к нему «в гости» не заглянет какая-нибудь «Сатана». Не понимая своими промытыми телевидением мозгами, что ресурсы у планеты далеко не бесконечны. Все относительно легкодоступное уже давно кончилось. А население Земли растет угрожающими темпами. И всех этих новых людей нужно обеспечить новыми игрушками.

«Проем» представлялся мне альтернативой просмотру этого предстоящего апокалипсического фильма ужасов. Над ним прямо-таки напрашивалась надпись, виденная мною еще в детстве, в автобусах советского автопрома: «Запасный выход». И я собирался им воспользоваться, забрав всех, кто мне дорог. И еще много-много других людей. Главное – не отдать ключик от этих ворот тем самым гребущим все под себя бюрократам, уже один раз распродавшим страну оптом и в розницу. Но над этим еще предстояло крепко подумать: шанса на еще одну попытку просто не предоставится.

Одним из наиболее животрепещущих вопросов оказался картографический. Той самой местности, в которую я так самонадеянно собирался шагнуть. Весь туристский опыт, подкрепленный постоянными командировками по миру, восставал против легкомысленного отношения ко всей затее. Например, к возможности оказаться в дикой Африке без привязки к местности: идея искать потом «проем» до морковкиного заговенья продуктивной не представлялась ни в малейшей степени. GPS-навигатор, к возможностям которого уже привык за последние годы, без спутников над головой просто инструмент для забивания колышков к палатке. Ни на что другое он уже не годится. Так что придется по старинке – с отпечатанными на бумаге топографическими картами и рисованными от руки кроками.

И тут снова выручил Интернет. Поскольку приобрести в свободной продаже подробные карты Восточной Африки не смог – нет спроса, нет и предложения – пришлось обратиться с этим вопросом к Всемирной паутине. Естественно, искомое там нашлось. Вот только за достоверность данных я бы не сильно поручился. Так что пришлось в дороге внимательно изучать электронный вариант на экране ноутбука. Благо, лежа на верхней полке в своем купе, никому не мешал, и любопытство не провоцировал. Бумажные варианты заламинированы, и уже расположились в предназначенном как раз для таких целей кармашке проверенного походного рюкзака.

В Бийске необходимо пробежаться еще и по охотничьим магазинам. Под открытым небом мне предстоит провести не одну ночь. А это означает: нужно озаботиться палаткой, спальным мешком, противомоскитной сеткой и еще сто одной необходимой мелочью. Самому мне в джунглях бывать не приходилось, но наслышан был, наслышан. Ничего хорошего неопиту знатоки не обещали. Да и опытному путешественнику тоже. Одежда походно-охотничья была своя, многократно испытанная и разношенная в вылазках на природу, так что хоть здесь ничего искать не нужно. В новой, не обмятой и не обношенной, все-таки в такие «походы» лучше не отправляться. Мое же старое походное снаряжение за последние годы как-то рас-

ползлось по друзьям, приятелям и просто знакомым. Собрать все это быстро было делом заведомо несбыточным. Не стал даже и пытаться.

Новый железнодорожный вокзал в Бийске приятно порадовал нарядным, прямо-таки пряничным, фасадом и вполне себе современным внутренним дизайном. Немало поколесив по российской, да и не только, глубинке, давно привык: даже если снаружи подмазано краской, то только лицевая сторона. Начальству издали показывать. Да и сам город показался мне весьма симпатичным. И дело тут не только в предвкушении большого дела и хорошем оттого настроении. Осень здесь еще не успела позолотить все листья, да и деревьев хвойных пород в округе оказалось высажено немало. А зелененькие елочки-сосенки осенью всегда оживляют пейзаж. По крайней мере, для меня.

На вокзале у главного выхода в город толпились таксисты. Махнул рукой ближайшему, белокрысому крепышу с сигаретой в зубах, и через минуту уже усаживался в выдавший виды синий «Пассат».

– На авторынок.

– Это тот, что на Сенной?

– Точняк, – я в поезде успел внимательно проштудировать в Интернете электронную карту города и теперь точно знал, куда именно нужно ехать.

– А что, машина нужна? – водитель залихватски вырулил с привокзальной площади и влился в поток транспорта с истинно таксистским презрением к правилам дорожного движения. Да еще и попутно подрезав обшарпанную грузопассажирскую «Газель» с какой-то рекламой на борту.

– Да вот, хочу «УАЗа» прикупить. Ездить предстоит много, да все больше по проселкам. Лучше бы, конечно, танк. По нашим-то дорогам... Но где ж его взять-то?

– Да уж, у нас только на танке и ездить, – таксёр хохотнул, – чуть за городскую черту выберешься. Или лучше вообще судно на воздушной подушке, как у нас на флоте были. Такая машинка везде пройдет. Вещь.

– Это какое же у вас тут на Алтае море, что для него флот потребен? – несколько ехидно поинтересовался я. Не столько для того, чтобы подколоть водителя, сколько для поддержания разговора. Морячки – народ авантюрный по своей сути и нужный везде, где только есть вода. У меня же, если Виктор Викентьевич ничего не напутал, под боком имелся целый океан. Глядишь, и пригодится знакомство-то...

– Срочную я на ТОФе тянул, механиком на сторожевом корабле «Разумный». На Камчатке тогда стояли. Ох, и красивейшие же там места! Нигде больше таких не видел. И природа еще не «засиженная» человеком, дикая, настоящая. Сопки, гейзеры, вулканы... А море там какое... Эх, тебе все равно не понять. Здесь, конечно, есть реки довольно красивые, но все равно кажется, что вода в них чуть болотом отдает. Нет в них того размаха, бескрайней души.

– Красиво, наверное. На Камчатке мне как-то не довелось побывать... Только фотографии видел, да по телевизору в свое время.

– Потрясающий край. А насчет машины могу совет дать. Хороший, но, разумеется, не бесплатный.

– А без него мне никак?

– Ну почему же... Походишь по рынку деньков пару, выходных заодно подождешь, когда народа поболее. Может, и купишь что-то. С недельку ключами под покупкой своей погребешь, по автомагазинам за запчастями побегаешь...

– Хватит, хватит, – я уже в голос смеялся, – давай свой совет. Все, уже испугался, проникся и осознал.

Таксист тоже ухмылялся, демонстрируя окружающему миру поблескивавшую стальную фиксу.

– Авторынок сам по себе не слишком большой, тем более немного на нем «УАЗов». Машина не современная. Но! Есть там один человек. Знает все и про всех. Подскажет, какую машину брать ни в коем случае не стоит, когда и к кому лучше подойти. Часто помнит, какие приметные машины не продались накануне и где искать владельца. В общем, такое вот справочное бюро для знающих людей.

– И тоже бесплатно не работает?

– Само собой. Но сэкономить можно гораздо больше. Машина быстро и в хорошем состоянии дорогого стоит. Сам понимаешь – покупать барахло и вкладывать в него деньги...

– Это точно.

Пока «водила» расписывал мне все преимущества, которые я получу от общения с его знакомым, мы уже успели доехать до нужного места, город все же небольшой. Или мне уже после Питера и Москвы так кажется? Припарковавшись неподалеку от входа на рынок, мой гид махнул рукой в сторону авторядов, видневшихся за высоким сетчатым забором:

– Там всегда тусуется, рядом с воротами. Да вон же он, в зеленой куртке.

Возле небольшого киоска, торгующего автозапчастями, и вправду стоял невысокий паренек, одетый в неброскую зеленую ветровку. Разговаривал о чем-то с бомжеватого вида плюгавеньким мужичком. Подождав, пока собеседник нужного нам человека исчезнет, таксист направился к киоску. Вернулся он, после непродолжительного общения, вместе с приятелем.

– Витек говорит, что вам «уазик» нужен в хорошем состоянии? – парень, представившийся Дмитрием, разговаривал, как-то смешно растягивая слова, но определить происхождение его говора я так и не смог, как ни старался. Немного окающий, как у вологодских, но все же не то.

– В точку. Можно не новый и за особыми удобствами я не гонюсь. Но машине предстоит немало побегать по сельским грунтовкам, а то и бездорожью, так что брать барахло смысла нет. Где я его чинить буду, если развалится посреди дороги? ЗИП, само собой, в машине будет, но багажник тоже не безразмерный. Да и своего барахла хватает. Так что, сам понимаешь...

– Тогда сегодня на рынок можете не ходить. Там сейчас только два «УАЗа», но оба «убиты» в хлам, хоть и «марафет» на них сверху навели. Пару месяцев уже не могут на них лохов отыскать. С виду картинка, а не машина, но уехать на ней дальше городской черты будет настоящим везением. А «буханка» грузопассажирская подойдет? Дедок тут один продает, тяжело ему уже с ней, да и на рыбалку больше не ездит. Тачка хорошая, он за ней лучше смотрел, чем за собой. Но цену не скидывает, оттого пока и не продал.

– Пойдет. Сколько он за нее хочет?

– Триста. Но она стоит каждую копейку из них. Можешь накинуть червонец и оформление в комплекте... Где, кому и чего – я сам отдам.

– Договорились.

Не откладывая надолго, поехали к владельцу разрекламированного авто. Дед и вправду оказался уже старым, на вид явно больше семидесяти. Машина тоже оказалась не «молода», но практически в идеальном состоянии. Еще раз убедился, что изделия советского автопрома, при должном уходе и аккуратном обращении, могут служить чуть ли не вечно.

Рядиться не стал, «УАЗ» действительно стоил названной цены. Хотя, наверное, поторговавшись с понимающим покупателем, владелец мог выручить даже больше. Но дед оказался старой закалки и торговаться явно не любил. Да и не умел. К утру Дмитрий обещал уладить все формальности с «гаишниками», я же решил заняться, как теперь модно говорить, шопингом. Прибарахлиться не мешало. Тем более что так и планировал изначально.

А телефончиками мы с Виктором обменялись-таки. Правда, он мне был нужен больше, чем я ему, пусть и не знал пока об этом. Так что первая фамилия в блокнотике под рубрикой «Нужные люди» появилась. Заносить еще несколько самых вероятных кандидатов в первопроходцы и первопоселенцы нужды не было. Это люди близкие, чьи координаты я знаю наизусть.

Побежав по охотничьим и туристским магазинам и переночевав в небольшой и ужасно неуютной, но недешевой гостинице, уже часам к десяти стал полноправным владельцем раскрашенной в летний камуфляж «буханки». Дмитрий встретил меня возле авторынка, как и уговаривались. Произведя окончательный расчет, я заскочил в гостиницу, расплатился там, стащил вещи в машину и неспешно покатыл по раздолбанному асфальту к мосту через Бию, в сторону Заречья. А еще спустя полчаса вырвался из города на знаменитый Чуйский тракт и покатыл уже по нему.

До Горно-Алтайска оставалась какая-то сотня километров по трассе, проложенной вдоль живописнейшей бурной Катунь. Там, на въезде, меня должен был ожидать Егор. Созвонились еще с вечера. Тем более что лицензию на охоту и нахождение в парке должен был оформить именно он, я только продиктовал свои данные. Леснику предстояло поработать гидом-проводником, да и пропуском на территорию природного парка заодно. Для того, чтобы добраться до нужного участка, закрепленного за Егором, необходимо было проехать через кордон «соседа». Нужно только обязательно познакомиться с тамошним лесником и аккуратноенько его «подмазать».

Обсудив накануне этот момент с Егором, решил привезти патронов к «ижаку». Благо, при наличии разрешения на оружие, мог приобрести боеприпасы совершенно легально в том же Бийске.

Лесник ожидал меня у некоего куполообразного разноцветного объекта – памятного знака на въезде в республику Горный Алтай. Место приметное и проехать мимо, не заметив этого изыска архитектуры, просто невозможно. Белая, немного забрызганная грязью «Нива», одиноко стояла на обочине расширения дороги. По всей видимости, оно означало парковку для поклонников монументальной архитектуры. Впрочем, присмотревшись, я понял: был несколько несправедлив. Знак напоминал своими формами юрту и вблизи казался довольно ажурным. Заинтересовала только «роза ветров» сверху. Что именно этим хотел сказать архитектор, было решительно непонятно.

Егор оказался именно таким, каким его описывал Виктор Викентьевич: невысоким темноволосым мужичком в теле, лет пятидесяти, с вполне уже наметившимся животиком и едва заметной раскосиной глаз. Хотя, может, у него конституция такая? Нормально познакомившись, телефонные разговоры за знакомство я не считаю, двумя машинами отправились дальше. Проехать нужно было около двухсот километров все по тому же Чуйскому тракту, до райцентра Онгудай. А там уже начинались грейдеры и проселки, уходящие дальше в не слишком высокие местные горы.

Купленные в Бийске рации помогли скоротать дорогу разговором, а интересовало меня всё. Ведь именно Егор был, так сказать, первооткрывателем «проема». Я эту историю слышал только в пересказе Третьякова, а хотелось больше подробностей из первых рук. Хотя ничего принципиально нового о том, что происходит по ту сторону, я так и не узнал. А вот о неприятных ощущениях от перехода слышал впервые.

– Понимаешь, Олег, – мы сразу договорились перейти на «ты», несмотря на разницу в возрасте. Егор, как и все жители глухой провинции, чувствовал некое неосознанное подспудное уважение к столичным жителям. А потому при знакомстве начал разговаривать на «вы», несмотря на то что был старше. Меня такое положение дел не устраивало. Трудно наладить дружеский «контакт» с человеком, который обращается к тебе подчеркнуто уважительно, причем незаслуженно. Кого как, а меня такое отношение не устраивает по одной простой причине – мне с Егором еще работать. И простые дружеские отношения в такой ситуации – «то, что доктор прописал».

– Понимаешь, Олег, нельзя сказать, что при переходе ощущения особо неприятные. Нет. Просто чувствуешь какую-то встряску во всем организме. Как будто все органы на секунду поменяли свое месторасположение в организме и улеглись как-то по-новому. И, может, более

удобно. Потом ощущаешь даже некоторую легкость. Вот легли печенка с селезенкой как-то правильнее, как изначально должно быть, и все. Но вот сам момент этой встряски... Бр-р. Пару раз прочувствовал и больше как-то не хочется... Вот и батя так говорил. Только сердце у него больное было. Раз он такое пережил, два. Все хорохорился, говорил, что все старые хвори уйдут.

Егор немного помолчал, видимо, вспоминая тот злосчастный день.

– А потом «моторчик» и не выдержал. Было же два микроинфаркта. Знал бы я, что эти два старых дурня снова на «ту» сторону соберутся – с ними бы поехал. И машина была бы под рукой. А так я уехал в Бийск, в администрацию парка. Разрешение на порубку должны были дать. А они договорились с лесником, приятелем батиным, с соседнего кордона. Живет он в Онгуде рядом с нами. Там всего-то километров пять по парку пешком идти. Так что Виктор Викентьевич пока свой старый «УАЗик» с оборудованием завел, пока дошкандыбал до райцентра с больницей – время было упущено.

Такое уточнение меня несколько успокоило: на здоровье пока жаловаться не приходилось, да и «моторчик», тьфу-тьфу, работал исправно. Тем более что Егор признался – на «ту» сторону он все-таки ходил.

– Сначала, ну, в самый первый раз, было просто любопытно. Набрался храбрости и, зажмурив глаза, шагнул. Как так? Тут зима в полный рост, снегу чуть не по пояс. А шагок единый сделаешь – уже лето. Птички какие-то поют, кусты эти зеленые. Только снег на тебе обтаивает, как напоминание о заснеженном Алтае.

– Да ты, брат, поэт.

– С вашими дырками потусторонними не только поэтом сделаешься. Но и этим, как его, прозаиком, вот. – Егор заржал в рацию.

– Ну а второй раз уже где-то с полгода назад, по просьбе Виктора Викентьевича, туда попробовал пройти. Но тут мне не повезло – на той стороне шел дождь. Даже не так – ДОЖДЬ, настоящий ливень, мгновенно вымочивший до исподнего. От неожиданности я тут же шарахнулся обратно, на этом путешествие и закончилось.

Подробно выпросив его об ощущениях при переходе, я еще больше успокоился. По всей видимости, происходит некая не слишком сильная встряска организма. Для здорового человека она вряд ли представляет какую-то опасность. Что-то более определенное узнать так и не удалось. Слишком сумбурный рассказ оставлял много простора для воображения и мало информации для анализа. Так что, как говорится, «будем посмотреть». Тем более что ничего другого мне и не остается. Поворачивать назад я не собирался.

До нужного места добрались уже ближе к вечеру: еще больше часа пришлось ехать от самого Онгудая, переваливаясь на многочисленных колдобинах и кочках. Но машина шла мягко, ходовка оказалась в полном порядке, так что грех жаловаться.

Искомая поляна в самом начале небольшого ущелья представляла собой неправильной формы овал. С эдакими небольшими «щупальцами» проплешин, «ограниченных» высокими соснами. Что было плохо – сюда вела уже накатанная колея и легко спрятать это место от чужого любопытства, как я втайне надеялся, не получится.

Впрочем, было в запасе еще пару идей, как замаскировать частые перемещения транспорта. В том, что они будут таковыми, я несколько не сомневался. Уж больно большой выигрыш стоял на кону, чтобы отступать перед неизбежными трудностями. А вот аппаратуру Егор спрятал. Да так профессионально, что я вообще вспомнил о ней, только когда он отбросил самодельную маскировку, сделанную из рыболовной сетки и еловых-сосновых веток, открыв заднюю дверь стоявшей в кустах машины.

Глава 3

Сам переход прошел как-то буднично. Шаг, и ты переносишься из осеннего хвойного леса прямо в заросли незнакомого кустарника, да ослепительно ярко светит солнце. Ущелье оказалось именно таким, как на видеозаписи Третьякова. Но одно дело смотреть на экран компьютера, а другое – ощутить все это в реальности. И запах, и прикосновения листьев к коже, и камни под ногами. Волнующееся темно-зеленое море кустарника, уходящее вниз и вверх по распадку.

Несколько минут я стоял неподвижно и «переваривал» информацию, получаемую мозгом от всех органов чувств. Сердце колотилось, но от чего, я так и не понял. То ли от эффекта перехода, то ли просто от волнения. Где-то краем сознания отметил, что этим вопросом необходимо озаботиться, как только переходы станут обыденностью и перестанут поднимать целую бурю чувств.

Первым делом в створ «проема» прямо за спиной отправился знак, что все в порядке. Переходить сразу обратно я не хотел, мало ли что. Ближайший камень с кулак размером, вылетевший с той стороны, не хуже меня самого покажет, что «клиент» дееспособен и может принимать заранее запланированные решения. По сигналу Егор должен на час отключить аппаратуру на той стороне. После чего рюкзак улегся у ствола одного из кустов, а в руках у меня оказалось самодельное мачете. Сделанный когда-то в туристские годы тяжелый треугольный клинок на длинной ручке просто идеально подходил для рубки не слишком толстых стволов кустарника.

В мое время протeya, а именно так назывались эти кусты, реликтовый вид флоры. В Красную книгу занесен. Но здесь... Сомнительно, больно уж его много. Да и в любом случае выбора особого не было. Необходимо расчистить площадку и четко обозначить проем с африканской стороны. Вот только сделать все нужно тихо, мало ли кто по округе ошивается. Местность представляла собой для меня сплошное белое пятно, полнейшую неизвестность.

Ровно через 60 минут из «проема» показался кончик шеста с привязанной к нему видеокамерой. Описав дугу для съемки местности, «электронный глаз» исчез: Егор занялся просмотром записи, чтобы убедиться, что все в полном порядке. По заранее расписанному плану он должен был в этот момент отойти в сторону. Я же взял на вооружение его способ обнаружения границ «проема» – в аномалию полетели нарубленные ветки и прочий мусор, которого вокруг, после моей битвы с местной флорой, оказалось много.

Спустя четверть часа я уже смог выложить небольшие пирамидки из камней, обозначающие края аномальной зоны. И шагнул обратно. На сегодня впечатлений было достаточно. Надвигался вечер, как на Алтае, так и в Драконовых горах, если это все же они. Так что первую разведку пора было завершать.

В Онгудай, где и жил Егор, добрались уже в густых сумерках. Благо жил он на самом краю вытянувшегося вдоль Чуйского тракта поселка. Фары автомобилей проплясали по темным некрашеным заборам частного сектора и замерли возле большого деревянного дома. Гараж у Егора Ивакина стандартный, на одну машину, поэтому мой «уазик» остался во дворе.

Пока не торопясь распаковывались, вокруг запрыгали дети. Как оказалось, младшие Егоровы отпрыски. Старшая дочка училась в Барнауле, домой приезжала не часто. А вот два сына-погодка, двенадцати и тринадцати лет, уже с восторгом осваивали лесное дело. И с отцом на работе, и шныряя по окрестностям Онгудая самостоятельно. Мальчишек дома в четырех стенах все одно не удержать, так что Егор делал вид, что не знает об этих прогулках. А пацаны не уходили далеко, ведь в наказание отец не возьмет с собой на охоту.

Вытаскивать из машины рюкзак не стал, вряд ли воришки заберутся, а вот сумку дорожную прихватил. В ней было самое необходимое для этого вечера. Кроме любимого ноутбука, за

которым хотелось еще вечерком посидеть, там была и привезенная из Питера бутылка настоящей финской водки. Вот подарок, который вез для самого Егора, презентовать уже передумал. Отдам пацанам, им интереснее будет. Пневматическая копия «макарова» – американская BORNER ПМ 49 Макаров – выглядела как настоящий боевой пистолет, но имела дульную энергию всего в три джоуля. Такая «машинка» не подходила под лицензирование даже по нынешним драконовским противооружейным законам. А уж правилам обращения с оружием охотник своих детей научит.

Варвара, супруга Егора, к нашему приезду уже накрыла на стол – оказывается, он ей позвонил заранее. Так что за ужин сели быстро. О том, что жена не в курсе всех наших «потусторонних» дел, Егор предупредил заранее. Так что для всех я был другом Третьякова, старика здесь знали. Не интересуясь всякими научными делами, Варвара быстро ушла спать, в деревне вообще ложатся рано. Пацаны же все время крутились рядом, то и дело заходя под какими-то выдуманными предлогами на кухню, так что поговорить толком не получалось. Поэтому пришлось доставать подарок.

– Так, парни. Есть тут у меня одна игрушка, думаю, вам понравится. Но сначала пообщайтесь – испытывать только завтра.

– А что за игрушка, дядь Олег? – Глаза у обоих мальчишек заинтересованно заблестели.

– Тащите мою сумку, только осторожнее.

Видя, что даже Егор заинтересовался, я нарочито медленно расстегнул молнию замка, запустил туда руку и достал сверток. Судя по поднимающимся бровям хозяина дома, он начал подозревать о его содержимом. Ну да, форму футболка, в которую я завернул «презент», скрывала мало. Жестом фокусника сорвав ткань, я продемонстрировал изумленной публике ее содержимое. Видя, что Егор уже начал открывать рот, предупредил:

– Пневматика. Слабенькая, документов и регистрации не требует. Зато американская, привез как-то по случаю из командировки.

Выщелкнув обойму с шариками и проверив на всякий случай затвор, я протянул игрушку отцу будущих снайперов.

– Чего только люди ни придумают, – Егор уже явно успокоился и заинтересованно вертел «макарку» в руках.

– И выглядит пистолет как настоящий.

– На углекислоте, стреляет металлическими шариками. В обойме 18 штук.

Мальчишки, завладев новой игрушкой – без обоймы, – убежали в комнату, а Егор поинтересовался:

– Дорогой, наверное?

– Да уж, вариант не самый дешевый. Но достался мне абсолютно бесплатно, – я даже засмеялся нахлынувшим воспоминаниям.

– В Ливии, когда в командировке был, канадец один подарил. Видеооператор. Он со своим журналистом уже собирался уезжать домой, а я оставался. Ну и решил им отвальную устроить, все-таки не один день бок о бок жили. Ездили, работали, под обстрелами в пыли на брюхе валялись. Такое долго не забывается. Напоил вечером накануне отъезда буквально до бесчувствия. Так, что они утром на уходящую в Триполи, в столицу ливийскую, попутку опоздали. Сильно ругались, да еще с большого бодуна. А потом узнали, что машину в пустыне кто-то обстрелял, вот и преисполнились канадцы благодарности за «спасение». Стенли, оператор, в порыве «чуйств» мне эту игрушку и подарил. А я сам в это время с жуткого похмелья был, а подлечиться нечем, все запасы уничтожили накануне. И взять негде – страна-то мусульманская, на каждом углу спиртное не продается. Последнее, что помню накануне – как учил их спирт пить. Был у меня запасец для сугубо медицинских целей.

Егор, слушая мое повествование, тоже развеселился. А потом, наоборот, помрачнел.

– И не боишься на «ту» сторону идти? Мне вот, Олег, признаюсь честно, не по себе становится, как только подумаю... Даже стыдно – здоровенный мужик...

– Не бери в голову, Егор. – Я отмахнулся от его переживаний.

– Авантюры – это для таких, как я, у кого шило в заднице играет, а за спиной ни кола ни двора. Так всегда было и всегда будет. Вот для того, чтобы нам было куда возвращаться – есть такие, как ты. Так что забудь. Я, вон, с детства на месте не сидел. Сначала горным туризмом занимался, по скалам лазал, на вершины поднимался. А после армии и вовсе по всему миру шататься начал.

Посмотрев Егору в глаза, я успокаивающе улыбнулся.

– А то, что вся эта экспедиция – чистойшей воды авантюра – могу сказать тебе сразу. Тут бы, по уму, государство со всеми его ресурсами должно работать. Вот только есть у меня уверенность, что заикнись мы о возможности такого перехода между мирами... Как минимум наши чинуши нас же и продадут тем же международным корпорациям. Огромную страну они уже растащили на наших с тобой глазах по собственным карманам. А что не влезало – продали «за бугор». Разворуют и еще одну. Мы же, как много знающие, вообще будем лишние на этом празднике жизни.

– Это что же, могут и «шлепнуть»? – Ивакин на глазах превращался из мрачного и в вовсе угрюмого.

– Пока мы держим свои языки за зубами, мы в безопасности, – раз я решил пойти на откровенный разговор, нужно было договаривать.

– Но рано или поздно тайна раскроется. И тогда всем хоть что-то знающим лучше оказаться на той стороне. НО. Заметь, если мы сделаем все как нужно, то это время наступит не скоро. И тогда уже «там» у нас будет все, что нужно для жизни. Первопроходцы и исследователи уйдут дальше, а на месте понадобятся как раз такие, как ты, работники и строители. Только представь себе: новый, чистый мир, полный возможностей и перспектив. Только не ленись – и все у тебя будет. Все, кроме постоянно висящей над головой ядерной боеголовки, талдычащего о настоящей американской демократии зомбоящика, генмодифицированных продуктов и всего остального, без чего мы с легкостью сможем прожить.

Я разлил в рюмки еще по пятьдесят граммов. В молчании мы выпили, закусили, и только тогда я продолжил:

– А здесь... Ты новости смотришь? Понимаешь, к чему катится этот мир?

Егор криво усмехнулся и кивнул головой.

– Даже если рванет не сейчас, если наши с амерами не сцепятся из-за «Хохляндии», ждать все равно не долго. Честно говоря, уже был уверен, что приход того самого полярного лиса придется лицезреть лично. Но, даже если и «пронесет» на этот раз, будет второй и третий. И так до тех пор, пока не рванет, – я энергично рубанул рукой воздух.

– Не хочу этого видеть, и чтобы близкие мне люди видели это – тоже не хочу. Так что «проем» – последний шанс для нас. Тех, кто не желает себе и своим детям такого вот конца. Так что уходить тебе будет нужно, но не скоро и не в неизвестность, а уже к более-менее налаженной жизни. Главное – успеть сделать все, что необходимо. И вот для этого ты будешь незаменим именно на своем месте. Согласен?

Утром, несмотря на выпитое ночью, поднялись рано. Даже куры в своем сарайчике возились еще как-то сонно. Хорошая водка не давала похмелья, и нашим сборам ничто не мешало. Дети еще спали, а Варвара собрала нам с собой «тормозок» в дорогу. Так что выехали без задержек. Мне хотелось застать сегодня как можно больше светлого времени, благо день и ночь явно совпадали как на Алтае, так и в «той» Африке.

Добрались по знакомой мне уже дорожке быстро, без задержек. Егор был молчалив и задумчив. Сидел на водительском сиденье своей «Нивы» и сосредоточенно крутил баранку.

Временами казалось, что он настолько глубоко ушел в собственные мысли, что и дороги-то не видит.

На сей раз свежескупленный «УАЗ» мне не понадобится. По разработанному плану Егор должен меня проводить на ту сторону, а потом каждый день включать установку в оговоренное время. По вечерам. Вообще-то я надеялся, что удастся обернуться с разведкой близлежащей местности дней за пять. Нужно найти подходящий для машин спуск вниз с гор, да и в округе походить, посмотреть, где что. Но продуктов взял на неделю, с небольшим запасом. Не занимающих много места, но калорийных. Если вернусь, точнее, когда вернусь, Егор меня и заберет обратно.

Дальнейшие планы детально я выстраивать, тем более озвучивать, не стал. Не хватало информации, а уподобляться Нострадамусу не хотелось.

Вырулив с грунтовки на знакомую поляну, машина остановилась. На сей раз экипировался по полной программе: рюкзак плотно обхватил плечи и пояс, под ним – кофр с фотоаппаратом, на правом плече повис заряженный карабин. «Трехдневник» на груди. Необмятая еще панама-«афганка» цвета хаки заняла свое законное место на голове. Вода, провизия, боеприпасы: все проверил по списку еще утром.

– Ты, наверное, прав. – До этого молча наблюдавший за моими сборами Егор вышел из задумчивого состояния, в котором он пребывал всю дорогу.

– Придется и нам туда перебираться, – тут он слабо улыбнулся. – Хорошо хоть не Антарктида.

– Эт-т-то точно. Ладно, подробнее поговорим потом, когда вернусь. Заводи свою машинерию.

Выбраться из ущелья оказалось не так-то просто. Сходящиеся, покрытые мхом и лишайниками каменные склоны выдавали весьма преклонный возраст местных гор. Склон, в общем-то, был не настолько и крут, чтобы по нему сложно было взобраться. Тем более имея за плечами немалый опыт горных восхождений. Дно ущелья и вовсе можно только нащупывать ногами среди этого зеленого моря, колышущегося под дуновением теплого, явно не осеннего ветерка.

И запах... Такой неуловимо знакомый, что хотелось зарычать от невозможности его вспомнить. Разбросанные тут и там в хаотическом порядке большие и маленькие булыжники сразу превращали движение вниз по ущелью в замысловатый акробатический номер с предсказуемым неприятным результатом. Поэтому идти пришлось вбок и вверх: видневшийся вдали гребень хребта, по крайней мере таковым он казался снизу, прямо-таки манил чистыми от злой растительности скалами.

– М-да. Мечта мазохиста. И ведь придется лезть. Тут даже нож не поможет, газонокосилка нужна. О, бензопила, точно. «Дружба» тут быстренько демократию бы навела, с плюрализмами. Всех под один гребешок уравнила бы...

Мысленно поминая всеми известными матерными словами кусты, сквозь которые приходилось буквально продираť себе дорогу, я принялся постепенно продвигаться вверх по склону. Здравое рассудил, что захваченную с собой в это путешествие легкую куртку жалеть не стоит, все равно ее теперь только выкидывать, и сосредоточился на движении. Кофр с вполне современным полупрофессиональным «Никоном» и компактной японской видеокамерой тихо покачивался за спиной, под рюкзаком. И в общем-то не мешал смотреть под ноги. По заднице только похлопывал. Обидно было бы пропустить какой-нибудь «живой» камень, готовый в самый неподходящий момент сдвинуться под ногой с места. Горы не любят невнимательных, они их наказывают.

Через каждые несколько шагов приходилось замирать и окидывать быстрым взглядом окрестности. Привычка, вбитая в подкорку мозга несколькими приятелями из спецподразделений, с которыми время от времени приходилось пересекаться в «чеченских» командировках, уже пару раз спасала мне если не жизнь, то здоровье точно. Так что пренебрегать мерами без-

опасности я не собирался. Тем более, находясь в одиночку в совершенно незнакомой местности. Бог его знает, какие неприятные сюрпризы могут таиться в этом, на первый взгляд идиллически мирном, пейзаже.

Спустя примерно час такого неторопливого подъема злобредный кустарник вдруг измельчал и начал понемногу редеть. Идти стало заметно проще, что не замедлило сказаться и на темпе движения. Несмотря даже на то, что крутизна склона начала понемногу увеличиваться. А вскоре заросли и вовсе отступили, оставшись за спиной.

Дальше было зеленое царство вольготно раскинувшихся на скалах мхов и лишайников. Судя по тому, как они крошились под подошвами тяжелых ботинок, дождями эту местность погода давно не баловала. Что тоже не могло не радовать: поскользнуться на напоенных водой естественных губках было бы проще простого. Растяжение, ушиб, или не дай Создатель, перелом – штуки, мягко говоря, не очень приятные. Проверено, к сожалению, на себе, любимом.

Тем паче что пришлось бы как-то возвращаться и отложить разведку этой местности на неопределенный, но явно продолжительный срок. Чего категорически не хотелось. Любопытство исследователя, эдакий зуд первопроходца, подстегивало не хуже кнута надсмотрщика на галере.

– Ага. Вот, похоже, и подъем заканчивается. А теперь, как говорит дядя Леня – приз в...

Фраза так и осталась незаконченной. Открывшееся за очередной скалой зрелище оказалось настолько неожиданным, что я только через несколько секунд осознал – тарашиться на открывшийся передо мной вид с открытым ртом, остолбенев с уже занесенной для шага ногой – занятие малопродуктивное.

А вот и оно, ёперный театр, «дерево»... Точнее целые джунгли этих самых деревьев. И тут в памяти всплыл вкус этого запаха. Пахло морем.

Глава 4

Как же все-таки хорошо вернуться домой... Стоило посмотреть на немного удивленное, но в то же время облегченно-обрадованное лицо Егора, когда я «нарисовался» на третий день вместо пятого по плану разведки. Все-таки приятно, когда тебя кто-то ждет, с нетерпением.

– Ты шкуры выделывать умеешь? – к его ногам тяжело плюхнулась черная туша средних размеров.

– Что? А, шкуры... Да, приходилось не раз. А это кто? На кошку похоже... Детеныш леопарда?

– Нужно будет еще посмотреть внимательно в Интернете, но, похоже, это не леопард, а сервал.

Тоже из кошачьих, только заметно меньше размером. Если я прав, то это вполне себе взрослая киса. И вот это тоже, гм-м, явно совершеннолетнее.

Из рюкзака на свет появилось тело почти двухметровой антрацитово-черной змеи. Голова обмотана полиэтиленовым пакетом и скотчем, но и так моя добыча впечатлила Егора, как говорится, «по самое не балуйся».

– Вот из-за этой красавицы в том числе разведку я и свернул. Только когда увидел ее, понял, какую глупость я сделал, отправившись в джунгли без антидота.

– Ядовита?

– Не то слово. Черная мамба, показывали мне как-то такую в Африке. Слава богу, чучело. Так что разведку придется повторять. Но не сейчас. Пока я просто хочу расслабиться. Три дня на нервах. В любую минуту ждешь со всех сторон какой-нибудь невообразимой пакости. Практически не спал, в глаза хоть спички вставляй. Давай разобьем лагерь где-нибудь неподалеку, и я – спать. Потом подробно поговорим.

– Вот еще... Поехали домой. Залезай в машину и спи, я сейчас загрузу твою добычу, и доберемся меньше чем за час.

– Как скажешь, у меня сейчас сил даже спорить нет.

В машине «вырубился» сразу, не помешало даже не слишком удобное кресло без подголовника. Как свет выключили. Проснулся уже в поселке, перед домом Егора, от энергичных толчков в плечо. Быстро ополоснувшись в холодной бане, добрел до выделенной мне кровати, на которой спал всего несколько дней назад, и снова заснул.

Очнулся только на следующий день. Солнце за окном явно вставало – утреннюю прохладу ни с чем не спутаешь. Заодно подивился долготерпению Егора. Смутно помню, как отдал ему трофеи и «отрубился» в «Ниве». Потянувшись до хруста костей, тихонько встал и полез в рюкзак за чистой одеждой. Грязной: камуфляжа, футболки, белья – нигде не наблюдалось. Я, конечно, не сильно помню как ложился, но есть у меня такая привычка: все свое ношу с собой. И, где бы ни приходилось ночевать, все вещи всегда стараюсь расположить поближе к себе. Мало ли, вдруг придется быстро собираться.

– Ну как? Выспался? – в комнату вошел Егор явно в домашнем: трико и футболка были уже немолоды, заметно потерты и явно любимы хозяином.

– О, не то слово, как заново родился.

– Пошли чаевничать. Варвара на работу пошла, а мальчишки в школе. Говорить можно спокойно, без лишних ушей. Тряпки свои не ищи, постиранные во дворе висят.

Вот это было хорошо. В том смысле, что и чай к месту и одежда постирана. Как закоренелый холостяк, я, конечно, и сам постирать могу. Но не люблю этого дела, аж скулы сводит. С каким облегчением в свое время машинку-автомат купил, словами не передать.

– Ну, рассказывай, как сходил. Я себе со вчерашнего дня места не нахожу. И где ты такую кошку подстрелил и где змеюку...

– Сходил и хорошо и плохо. Хорошо то, что вернулся живой. Плохо – сильно далеко не ушел. По крайней мере, план разведки точно не выполнил, ведь хотел до подножия прогуляться, задумку свою проверить. Теперь, видать, до следующего раза отложить придется.

– Совсем не пройти?

– Нет у меня опыта – по джунглям в одиночку ходить. Поэтому быстро оказалось, что предусмотрел далеко не все. Но лучше рассказывать по порядку, торопиться уже некуда. Сейчас принесу ноутбук и фотоаппарат. Пока фотографии «сливаются», начну рассказ, а там и иллюстрации появятся.

Пока я возился со своей техникой, Егор налил в кружки чай и терпеливо сидел, ожидая начала моего повествования.

– В общем, так. Поднялся я на гребень того самого ущелья, которое ты видел. Там, сверху, кустов совсем нет и идти относительно легко. Расположено оно в восточных отрогах гор. Судя по тому, что говорил мне Виктор Викентьевич, это Драконовы горы, но более точно привязаться к местности пока не смог. Нет приметных ориентиров, на которые можно было бы опереться. Сам «проем» располагается несколько ниже середины склонов. Вверх нужно подниматься не меньше метров трехсот метров, а, возможно и больше, если за виденными мной вершинами находится что-то повыше. Имеется такое ощущение. Вниз – метров двести. Ну, навскидку. Ущелье идет до самых джунглей, склоны там уже пологие и постепенно переходят в равнину.

Рассказывая, я пытался показать руками крутизну всех этих подъемов и пологость спусков, с нетерпением поглядывая на экран компьютера. Не люблю все же работать без иллюстративного материала. Окошко передачи данных на ноутбуке наконец-то подмигнуло и исчезло. Открыв нужную директорию, я развернул дисплей боком, и Егор заинтересованно придвинулся.

– Видишь? Это я снимал сверху. Внизу уже джунгли и добираться до них, если не продираешься через эти чертовы кусты, не так уж и долго. Но дно достаточно пологое и дорогу проложить можно, достаточно просто трактор загнать, наподобие старой ДТШки хотя бы. Толстых стволов тут нет. У самого подножия слияние двух рек. Возможно, это будущее водохранилище Албуфейра-душ-Пекен. Если это так, то старик со своими координатами попал прямо в яблочко. Вот, смотри на карте. Здесь дамба и водоем, а тут у нас Мапуту и берег Индийского океана. Всего-то километров сорок-пятьдесят, правда, в бинокль уже не видно. «Проем» тогда где-то здесь. Но и река нам будет полезна, есть насчет нее у меня идея. Впрочем, об этом потом. В общем, пошел я вниз по гребню. Не по самому, а чуть ниже, чтобы не так в глаза бросаться. С полчаса, наверное, спускался, а потом до меня дошло: если место то самое, что на карте, рядом с ним должна была проходить дорога. Причем, судя по современным картам – нехилых размеров шоссе. Вот фото сверху. Ты видишь что-нибудь напоминающее дорогу? Вот и я нет. А у нас она существует с девятнадцатого века. Как бы и не с первой половины.

Я отхлебнул из кружки напиток, который Егор, видимо по недоразумению, назвал чаем, чуть заметно поморщился, и продолжил:

– В общем, одна метка по времени и месту у меня появилась. В первый день я вообще решил не спускаться вниз. Пока мы доехали, да я взбирался наверх, на «стенку», пока торчал там, разглядывая все внизу, туда-сюда ходил... Дело было уже к обеду. Так что решил прогуляться по гребням этих отрогов и осмотреться внимательнее. И правильно, как оказалось, сделал. К вечеру на горизонте появилась огромная туча, и тут до меня дошло. Вспомнил про твой рассказ.

Я внимательно посмотрел на Егора и дождался, пока он сам вспомнит.

– Точно, это когда ты вымок под дождем. И сопоставил. У нас тут 15 октября, осень в разгаре, а там как раз начинается сезон дождей, середина весны. Я-то раньше в южном полушарии не бывал и про дождь не задумывался. Хорошо, что палатку успел поставить – лива-

нуло от души, как из ведра. Казалось, сейчас смоем вниз к свиньям собачьим. Ко всему прочему оказалось, что палатку поставил неправильно – начало просачиваться по дну. Короче говоря, когда часа через два дождь закончился, половина вещей уже вымокла. Не уберег-таки – в первую очередь спасал технику. Всю ночь просидел в палатке с карабином в обнимку. Костра не разведешь – дров сухих нет. А с одним светодиодным фонариком в темноте действительно страшно. Благо хоть чай на плитке кипятить можно. Кстати, о чае. Давай я своего заварю, а?

Я принес из своей сумки металлическую коробочку, в которой всегда возил заварку. Вот, сейчас попробуем настоящего напитка...

– К утру замерз, как будто не в Африке, блин горелый, сидел, а где-то здесь, посреди Алтая. Еле дождался рассвета. Греться пришлось движением, так что пошел вниз. Ветерком обдувало неплохо, так что вещи понемногу подсушивал. Вон, на фотографии видишь, на рюкзаке тряпье болтается? Так что постепенно, гребнями, спустился до уровня джунглей. Не видно впереди ни хрена, тропинок звериных пришлось избегать. Во избежание, так сказать. Кто его знает, что за зверюшки там гуляют. Оставил на видном месте пирамиду из камней, зарисовал в блокноте вид на горы, приметные ориентиры, и понемногу пошел дальше.

От долгой болтовни в горле пересохло, так что пришлось изрядно приложиться к кружке с остывшим местным напитком, прежде чем продолжать.

– Где-то приходилось обходить совсем уж непролазные места, кое-где удавалось мачеткой прорубать дорогу. В общем, насколько я понял уже внизу, это не совсем экваториальные джунгли. Все-таки, сколько я просмотрел видео об Африке, на экране это выглядело гораздо страшнее. Откройся «проем» севернее километров на сто или двести, и оказался бы я в полной заднице. Вот тут-то и нарвался на сервала. О, уже и чай заварился.

Егор, похоже, мысленно был все еще в Африке, отхлебнул из кружки настоящего напитка, будто воды из под крана, вкуса не чувствуя. Я же принялся наслаждаться.

– Привал решил сделать небольшой, как раз на перекус. Нашел местечко подходящее, на берегу ручейка. Распаковался, поставил котелок на газ. Сижу, значит, жду, пока закипит. Карабин на коленях, все же не в парке гуляю. Я, кстати, его с рук вообще не спускал, да и патрон в стволе все время держал. Знаю, что нельзя, но без него страшнее. Птицы, по всей видимости, ко мне попривыкли, снова загомонили где-то над головой. Только собрался я снимать кипяток, как чувствую – насторожились все вокруг. Пернатые все так же вопят, но уже несколько в стороне, надо мной – тишина гробовая. Голову поднимаю, ну не ждал я опасности сверху, а с одного из деревьев, метрах в десяти, на меня смотрит здоровенная такая кошка. Сначала тоже промелькнула мысль – леопард. Бывают вроде они и черными. Наверное, там водопой у местной мелкой живности, вот киса и охотилась.

– Повезло в том, что сидел этот «котеночек» как раз слева от меня. Да и карабин, он, наверное, как оружие не воспринял, спокойно так сидел, меня рассматривал. Так что осталось только повернуть ствол немного и перебросить предохранитель. Первый выстрел попал в грудь. Ну, ты сам, наверное, видел на шкуре дырку. Его отбросило в сторону и с ветки, а я второй раз успел выстрелить. Вторая пуля вошла в голову. Я, конечно, не снайпер, но промазать с десяти метров в такую крупную мишень – это еще суметь нужно. В общем, наповал. Рассмотрел зверя подробно уже на земле. Смотри, на фотке хорошо видно: тело узкое, лапы длинные и на маленькой голове огромные уши. Все как описывается в Интернете, как есть сервал. Я даже картинки скачивал. А, вот они где... Похож?

– Точно он. Я его хорошо рассмотрел, пока свеживал. Мясо, конечно, только на выкид, даже если бы и стал кто-то есть кошку. Слишком долго в тепле тушка пробыла. А шкурку спасти можно.

– Вот за это спасибо. Такого трофея у меня еще не было, максимум кабана с отцом на охоте брали.

– А мамбу эту черную где нашел?

– Ну, с ней не так все было драматично. Заметил я ее следующим утром, когда обратно возвращался, издали на небольшой прогалинке увидел и решил пристрелить. С одной стороны, было интересно рассмотреть ее поближе, а с другой – она лежала на пути. Обходить – ломиться через заросли, да и соседство такое напрягало. С первого выстрела промахнулся, пуля как раз возле нее в землю угодила. Змея аж подпрыгнула, голову подняла и замерла на секунду. Вторая пуля попала как раз в шею. Голову я ей замотал, чтобы не касаться ничем клыков, а рюкзак не сильно полный. Туда ее и сунул. Но к этому времени я уже назад возвращался, и змея только еще раз подтвердила неготовность к таким экспедициям. Главное – вот. Нашел скелет в кустах недалеко от берега, а рядом...

На ладони у меня лежал металлический наконечник от стрелы. Явно не новый, следов яда видно уже не было, если он изначально здесь и имелся. Да и металл поржавел слегка. Однако явственно были видны удары молотка – очень грубая работа. С первого взгляда понятно – это не продукт машинной обработки, а поделка кузнеца. Причем не изделие, а именно поделка нерадивого работника, которому было лень хорошую вещь ковать. Не для себя делал.

– А теперь смотри сюда.

Придвинув поближе к Егору ноутбук, я открыл одну из фотографий. На подсохшей сероватой глине берега ручья отчетливо виднелся отпечаток небольшой ноги. Даже пальцы, растопыренные на скользком, виднелись хорошо. Рядом, для масштабности, лежал нож, оказавшийся заметно длиннее стопы неведомого местного жителя.

– Ребенок? – неуверенно протянул Егор.

– Скорее всего, бушмен. Они маленького роста. И скелет такой же. Так что после всех этих находок я и решил возвращаться. Проводить там разведку одному – верный способ огрести кучу неприятностей на свои нижние девяносто.

– Постой. Разве бушмены не в Австралии живут?

– И в Африке. С английского слово «буш» переводится как кустарник. То есть «бушмен» – человек кустарника. А поскольку в Африке европейцы появились раньше, чем в Австралии, то и бушменами местных аборигенов обозвали именно там. Фантазии-то у англосаксов никакой. Самое неприятное в том, что «наши» дикари мажут свои стрелы ядом – луки у них небольшие и не дальнобойные. И если от укусов практически всех змей можно запасть антидотом, то тут противоядия нету. Может быть, оно и существует у самих бушменов, в природном виде, но в промышленном такого нет, и ни в одной аптеке мира его не купить.

– А от яда мамбы?

– Есть, только поискать придется. Вообще, нужно обращаться в какой-нибудь серпентарий за консультациями и антидотами. Интернету свою жизнь доверять как-то боязно. Так что вот, выплыло уже три момента, которые я не предусмотрел. Не подумал про сезон дождей, а ведь в ближайшие месяцы будет становиться только хуже. Забыл про антидоты. И про отравленные стрелы аборигенов тоже. Бушмены вроде не агрессивные, по крайней мере, я такого не читал и не слышал никогда. Только там этих племен, особенно в приморской зоне, до той самой матери. У каждого свой язык, свои привычки и ареал обитания.

Тут я покачал головой и в задумчивости поскреб теперь уже четырехдневную щетину, образовавшуюся на подбородке.

– Нужно как-то договариваться хотя бы с одним местным вождем, чтобы нас не трогали. Тогда в обмен на те же ткани, стальные ножи, топоры, котелки и прочую полезную в хозяйстве утварь можно будет брать и проводников и следопытов. Единственное, придется искать какие-то словари или переводчика. Лучше первое, все-таки человека не всегда можно заставить молчать. Не считая, конечно, совсем уж радикальных методов, чего бы не хотелось. А вот оружия им давать не следует. Не хватало еще, чтобы эти дети кустарников и джунглей, прирожденные охотники и следопыты, его против нас начали использовать.

– А стрела?

– Ну, судя по тому, что она вообще есть – португальцы уже здесь. Работал кузнец явно не на камне, но культуры производства все равно никакой. То есть от Средневековья этот мир далеко не ушел. Грубая кузнечная работа, скорее всего, означает временной промежуток между 1500 и 1800 годами. Плюс-минус немного. До Капской колонии голландцев полторы-две тысячи километров. А до Мапуту, который пока еще называется Лоренсу-Маркиш, всего полсотни от силы. Точнее можно будет сказать, только увидев сам поселок. Но в любом случае население там минимально. До середины XVIII века это больше пункт заправки кораблей питьевой водой, да и то второстепенный. Ну и немного фактория меновой торговли с аборигенами. Застолбили португальцы местность, а сил колонизировать нет.

– Вглубь материка европейцы рискнут продвигаться не скоро. Так что у нас есть все шансы просто подмять под себя это место, по-хорошему или по-плохому. Но есть одно «но». Нужны люди, подготовленные и мотивированные. Лучше всего бывшие военные: десантура, морпехи, из спецур, мотострелки. Работать придется в сложных условиях. А еще нужны деньги. На первых порах много денег. Так что нужно думать.

– А чай-то вкусный, – распробовал наконец-то Егор, – индийский, небось.

– Лучше, краснодарский. Вот, видео еще есть – смотреть будешь?

Глава 5

Ладожский вокзал встретил меня своей обычной суетой и гомоном голосов. Народ, как всегда, заполошно носился по тесным помещениям, не глядя по сторонам и размахивая чемоданами. Привычно лавируя между отъезжающими и прибывающими, направился к выходу. Сам же город «обрадовал» мелким морозящим дождем. Благо хоть машина оставалась на стоянке здесь же, дожидаясь своего непутевого хозяина.

Несмотря на долгий, почти двухнедельный, простой под открытым небом, «гольфик» завелся с полпинка. Выскочив на Рябовское шоссе, благо в это время суток все ехали в обратном направлении, уже не торопясь поехал во Всеволожск. Домой.

М-да, недолго мне осталось ездить этой дорогой и на этой машине. После нескольких суток размышлений на финансовые темы пришлось все же остановиться на варианте самофинансирования. Перебрав всевозможные идеи, пришлось отказаться от всех видов займов. Кредит под залог квартиры даст на круг слишком мало денег. Банк не выплатит больше семидесяти процентов от стоимости залога. Да и оценивать квартиру будут его же сотрудники. Так что их вердикт к рыночным ценам на жилье будет иметь весьма отдаленное отношение. А перспектива получить в свое распоряжение фактически половину стоимости квартиры под весьма нескромный процент мне ну совершенно не нравилась.

Про машину и говорить смешно. Так что оставался вариант с продажей и того и другого. Часть вырученной суммы, весьма небольшую, необходимо будет потратить на покупку дома где-нибудь на окраине Горно-Алтайска, все-таки цены в нем на порядок ниже. Его можно будет использовать как перевалочную базу для людей и грузов. Главное, чтобы гараж и другие хозяйственные постройки имелись, да людей вокруг поменьше. Не стоит привлекать к себе лишнее внимание.

Если верить данным с сайтов риэлтерских агентств, после продажи всеволожской «трешки» мне достанется около ста тысяч «убиенных енотов». С учетом машины и собственных накоплений – «набежит» где-то сто двадцать. Для начала должно хватить, а потом будем надеяться на трансваальское золото. В конце концов, не так уж важно, из какого города ездить в командировки, если «проем» внезапно закроется или еще какой форс-мажор приключится. И на Алтае не помру, единственное, необходимо чтобы крыша над головой все-таки присутствовала.

Под такие, несколько грустные, размышления я и подъехал к дому. Припарковавшись со стороны улицы Александровской, быстро поднялся в квартиру, никого на лестничной площадке так и не встретив. Разбор рюкзака и сумки много времени не занял – принцип сортировки был прост как мычание. Грязное – в «стиралку», пусть крутится, потом достану. Походное снаряжение – в угол своей комнаты, ноутбук и шкурки трофеев – в сумку. Оружие – в небольшой замаскированный под шкафчик сейф, как-то по случаю купленный у знакомого охотника за весьма умеренную сумму. Чтобы с охоты не везти ружье к отцу.

Поднявшись на пару пролетов, постучал в дверь к Третьякову. К моему великому удивлению, никто не открыл, даже после пяти минут ожидания. М-дя. Впрочем, в магазин Виктор Викентьевич все-таки ходил, так что решил навестить старика со всеми своими новостями позже. Этот процесс при его темпах передвижения занимал обычно немало времени. Все-таки по телефону уже пообщался, на следующий день по возвращении из разведки по «той» стороне, и новостей особых после этого не появилось. Надеюсь, они будут к вечеру.

Быстренько сбежав по лестнице, уселся в машину и порулил к центру города, одновременно доставая телефон.

– Алло, па? Привет. Ты дома?

– Не может быть! – ехидные интонации в отцовском голосе прямо-таки сочились из трубки мобильного. – Никак блудное дитя соизволило домой вернуться! Что так долго? И надолго? Или недолго?

– Там видно будет. Так ты сейчас где, дома?

– А вот и не угадал. Рыбачу потихоньку, что еще пенсионеру делать...

– Ой, какие мы старые... Ты же на пенсию не в 63 вышел, так что не прибедняйтесь, «тащ полковник». И где на этот раз рыбу червями соблазняешь?

– Да не поехал далеко, на Ладоге сижу, на своем любимом месте. Пока, правда, бесполезно. Одного судачка только взял.

– Это где устье Морье?

– Ага, в той стороне.

– Тогда возвращайся на станцию, я тебя подхвачу.

– Что-то случилось? – голос отца мгновенно из ехидного стал сосредоточенно-спокойным.

– Нет, не случилось, просто разговор есть. Может быть даже очень долгий, как сложится. Так что раз у тебя не клюет, то и с рыбалкой можно «завязать». Все, выезжаю и жду на станции. Конец связи.

Развернувшись еще во время разговора, «гольфик» бодро разбрызгивал блеклые почти ноябрьские лужи в направлении Ладожского озера.

– Не продавать тебя, что ли, радость моя? Не такие и великие деньги за тебя дадут, зато свое, родное уже... Вот только пройдешь ли ты там, где я буду «шляться»? Хотя...

Наверное, оставлю его в Горно-Алтайске, а «уазик» перегоню в Африку, как только появится возможность. Да мало ли, как обстоятельства сложатся. Не «засвеченный» транспорт может пригодиться. Только переоформить можно на кого-нибудь, чтобы ленинградскими номерами не собирать всех местными «гаишников».

На железнодорожную станцию «Ладожское озеро» я приехал раньше отца. Уточнив по телефону, где он еще идет, поехал навстречу. А уже через несколько минут, как раз на въезде в поселок, увидел знакомую плотную, коренастую фигуру в потертом камуфляже. С удочкой в правой руке и небольшим рюкзачком на левом плече. Меня всегда поражала скорость его пеших перемещений. Если не присматриваться особо – вроде идет, не торопится человек. А с ним рядом шагать – чуть не бежать приходится. Уж на что у меня ноги длинные, а все одно не всегда успеваю.

Крепче обычного пожав руку, все же давно не виделись, он аккуратно уложил свое рыбацкое снаряжение в багажник и уселся на переднее пассажирское сиденье.

– Ну, вываливай свои проблемы, чадо...

– Проблем у меня нет. По крайней мере, в том смысле, который в эти слова вкладываешь ты. Есть дело, которое нужно сделать, есть предложения и просьбы, мечты и фантазии. Поехали ко мне, там поговорим.

– Считай, что заинтриговал.

– А пока едем, ты как старый и опытный охотник, посмотри пару вещей. Во-о-н, в сумке на заднем сиденье лежат. Они к теме нашего разговора имеют самое непосредственное отношение.

– Ты что, шкурками решил заняться? Ох, них... нихрена ж себе, а змеюку такую где сумел отыскать? Ты же вроде в «Хохляндию» ездил, там такого трехметрового навряд ли не водилось раньше...

Видя, что я демонстративно сосредоточился на вождении, и на его вопросы и подначки не реагирую, отец замолчал. Сидел только, задумчиво перебирая пальцами черный мех сервала. Экземпляр, кстати, мне достался явно редкостный. Сколько смотрел в Интернете фотографии этих животных – практически все «фото модели» были пятнистой, «леопардообразной» рас-

цветки. Черных пару раз только и видел. Впрочем, мне всегда «везло» на приключения. Даже когда они были совсем не нужны.

На этот раз я припарковался на своем любимом месте, прямо напротив подъезда. Молча собрал сумку и вышел под снова начавший моросить привычный питерский дождик. Подождав, пока отец тоже выберется с пассажирского сиденья, «квакнул» сигнализацией.

– Улов твой, «однорыбочный», там не протухнет в рюкзаке? А то разговор может быть долгим...

– Да отпустил я его, чего позориться перед соседями...

– Ну, тогда пошли в дом.

В квартире первым делом включил чайник. Такой разговор вести «насухую» не хотелось, а под спиртное и вовсе нельзя. Слишком много было поставлено на карту. Отца мне хотелось не просто забрать в тот мир. Мне нужно было, чтобы он сам загорелся этой идеей и принял участие в ее воплощении. Отслужив в армии больше двух десятков лет, он вышел на пенсию полковником. Точнее, его «вышли». Их взаимная нелюбовь с начальством стала в дивизии уже «притчей во языцех». А тут подвернулся такой удачный повод, как очередное сокращение наших и без того куцых вооруженных сил. Да и выслуга уже накопилась. Так что торжественно проводили на заслуженный отдых.

И этот военный и организационный опыт нужен мне как воздух. Тем более что одно время он служил в 201-й мотострелковой, стоящей на границе Таджикистана и Афгана. Так что боевой опыт имелся даже в большем количестве, нежели ему самому бы хотелось. Да и доверие, как ни крути, нужно будет между теми, кто окажется у истоков проекта. Без него никак.

– Началась вся эта история недели две назад, когда я вернулся из командировки...

Рассказ, со всеми подробностями и уточнениями, занял заметно больше часа. Все это время отец сидел, откинувшись на спинку стула, полузакрыв глаза и имея вид донельзя ослабленный и умиротворенный. На самом деле, внутренне он был напряжен и собран, как перед прыжком. Имелась у него такая привычка, нередко вводящая в заблуждение плохо знающих его людей.

– Ну, и как раз сегодня утром и домой вернулся, – смочил я горло из кружки давно остывшим чаем.

– Как ты говоришь, прозывается владелец этой самой шкурки, что ты привез?

– Сервал, – уточнил я несколько растерянно. Вот этого вопроса я ожидал меньше всего.

– Так вот, если кто-нибудь «наверху» узнает про всю эту твою эпопею с «проемом», от тебя тоже останется одна шкурка, как от того сервала. И это в лучшем случае. А, скорее всего, и вообще никогда не найдут. Ни шкурки, ни ее содержимого.

– Вот это я понял сразу, не дурнее некоторых, не будем показывать пальцем. Но и без привлечения людей этот проект не поднять. Причем людей нужно много. Как там, для организации полноценного поселения, так и здесь, для операции прикрытия всех наших телодвижений.

Я задумался, вспоминая свои размышления нескольких последних дней. А сделать предстоит так много! По сути, мы даже самого первого шажочка еще не сделали.

– В идеале, который, конечно, недостижим, к моменту огласки всего дела необходимо иметь на той стороне нормальную базу. Способную обеспечить не только простое выживание переселенцев, но и дальнейшее развитие полноценного анклава на местных ресурсах. А это значит: технологии, специалисты и воинские подразделения на полном самообеспечении. Здесь полыхнет в любой момент. И выживут только те, кто успеет уйти. Ну, и космонавты на МКС полюбуются красивой картинкой. Недолго, правда.

– Представляешь, сколько все это будет стоить?

– Очень даже. А ты представляешь, там всего пятьсот километров до Йоханнесбурга, и еще столько же до Кимберли.

Вот тут отец замер на несколько секунд.

– Да уж, умеешь ты успокоить. Меры безопасности должны быть еще строже, чем я думал первоначально. На золото слетятся еще и бандиты всех мастей. Тебе придется его где-то реализовывать.

– На том и стоим. Ты, я так понимаю, с нами?

– А вас что, уже много?

– Я, Егор с семьей, он уже согласен, и Виктора Викентьевича нужно будет с собой брать.

Отец несколько секунд молча побарабанил пальцами по столу. Внимательно посмотрев мне в глаза, он подвел черту:

– Вот пусть пока этими людьми список и ограничится. Мне нужно все обдумать, взвесить, посчитать. А финансирование первоначального этапа? Ведь до золота еще добраться необходимо. И вообще, мне нужно знать, что ты планируешь в ближайшей перспективе, чтобы скоординировать действия.

– Сначала разведка. Я один, как видишь, не справлюсь с этим делом. Так что необходима компактная, хорошо вооруженная группа профессионалов для того, чтобы хорошенько пошарить за «проемом». Первый базовый лагерь нужно поставить на той реке, что я видел с горы. Расчистить туда дорогу: трактор пока Егор возьмет в своем природном парке. Лесники частенько его вызывают для разных работ на своих участках: лес трелевать, буреломы расчищать. Просто трактористу купим ящик водки, и пусть дома отдохнет пару-тройку дней. А затем самая большая покупка. Самолет.

– Да ты сдурел, тебе что – еще и летчика искать?

– Искать. Но пока не горит. Я не предлагаю тащить туда «Боинг», обойдемся сверхлегким летательным аппаратом – гидросамолетом «Пеликан». Есть такие, чуть больше мотодельтаплана. Взлетно-посадочной полосы ему не нужно, хватит и мелкой речушки. Управление у него по сложности почти как у машины, специально в Интернете интересовался. Немного потренироваться и все, высшего пилотажа мне не надо. Именно на таких аппаратах как раз и учатся. Да и ближние окрестности можно будет заодно разведать.

Я посмотрел на серую хмарь за окном и расплывшиеся на стекле капли вновь усилившегося дождя, по потом перевел взгляд на батю.

– Понятно, что если летать в этом мире, то требуется лицензия пилота. Но ведь я буду это делать «там», а радары и ПВО пигмеям пока не завезли и пилотские разрешения они выдавать еще не умеют. Стоит подобный аппарат около шестидесяти-восьмидесяти тысяч «баксов», в зависимости от налета. Дальность – тысяча двести километров, четыре места. Если крылья и двигатели снять, спокойно влезает в грузовик-фуру. То есть можно лететь вдвоем-вдвоем-втроем плюс груз, до Йоханнесбурга и обратно. Водоемов для посадки там хватает.

Мысленно еще раз представив себе карту окрестностей «золотой столицы» ЮАР, я утвердился в своем мнении.

– А сто килограммов золота на черном рынке – это сто миллионов рублей. Понятно, что такими объемами мы оперировать не будем. Но если найти специалиста, который сможет прямо в базовом лагере наладить очистку и переплавку, да реализовывать в нескольких городах...

Отец скептически выгнул бровь, выражая свои сомнения. Ну да, это самая скользкая часть плана, на которой «засыпаться» легче легкого.

– И кому ты собрался его продавать? По нему же специалисты сразу определяют место-рождение.

– Потом тебе расскажу, – я неопределенно повел плечом и интригующе усмехнулся.

– Пока что эта тема прорабатывается. Вопрос стоит о том, почем мы его продадим, а не продадим ли вообще. А насчет определяют – пусть. Вот я посмеюсь.

Глава 6

Первое заседание пока не существующего «Государственного совета» еще не созданной республики «Южно-африканская Россия», как потом ехидно называли это мероприятие, проходило тяжело. Мы с отцом то соглашались с предложениями друг друга по предстоящим действиям, то спорили до хрипоты. Итогом почти пятичасового «диалога», время от времени обмываемого «чаем перемирия», стал предварительный план действий на ближайшее время.

«Предварительный» потому, что слишком многое пока оставалось лишь попытками предугадать действия или реакцию тех или иных людей, результаты разведки местности. Да и много чего еще.

В итоге решили: отец в первую очередь должен заняться прощупыванием пары кандидатур на место нашего главного «молчи-молчи». Контрразведывательное прикрытие всех наших действий – архиважно и архинужно, как сказал бы дедушка Ленин. В этом вопросе мы с батей полностью сходились во мнениях.

Также на нем была организация виртуального рекрутингового агентства с международного или иностранного домена. Найти человечка, который будет этим заниматься, в наш век всемирной паутины, совсем не сложно. И озаботиться поиском покупателя на квартиру, вывезя оттуда мои вещи и бытовую технику. Мебель предполагалось оставлять новым хозяевам.

Я же уже трясся в московском поезде. Первым в списке у меня стоял вопрос с переводчиками. Задача минимум – создание небольших словарей африканских языков. Тех, что наиболее распространены в южной и юго-восточной частях Черного континента. Хотя бы по сотне-другой слов с записью произношения и коротких предложений. Ничего лучше, чем наведаться в «лумумбарий», я не придумал. И не прогадал.

Обратившись в первый же попавшийся деканат и продемонстрировав журналистское удостоверение, выцганенное как-то у знакомого в издательстве, я быстро нашел подходящих студентов. Договорились просто. Я оставляю задаток оговоренного гонорара и диктофон. А через несколько дней забираю готовую работу – небольшие словарики языков суахили, банту и свази. Остается только надеяться, что встреченные аборигены будут знать хоть один из них. Можно даже, в некоторых случаях, переводить не на русский, а на английский. Тут и сам справлюсь без проблем. Все-таки «англичанскую мову» в современной Африке знают лучше, чем нашу. Ну, если русского-матерного не считать.

Уладив дела в РУДН и получив клятвенные заверения студентов, что про мою просьбу они не забудут, занялся дальнейшим подбором подходящих людей. Пока ехал в сторону Курского вокзала, решил уточнить у нужного мне человека: куда именно его на сей раз занесла нелегкая судьба военного. По здравому размышлению, его последний адрес доверия мне не внушал. М-да, забыл я после выхода отца на пенсию, да и последних, спокойных лет его службы: пути и решения командования неисповедимы. Номер, кстати, набирал уже не первый раз, но трубку никто не снимал. С одной стороны, это хорошо – номер не сменился и человек им пользуется. С другой – первый звонок был больше суток назад. И то, что Леха не перезвонил – странно немного. На выходах он телефон вообще отключает, значит должен быть где-то в расположении части.

На сей раз вместо длительных гудков я услышал голос нужного абонента.

– О, Леш, наконец-то я до тебя дозвонился. Это Олег, «фотоохотник». Не забыл еще про такого?

– Конечно, не забыл. Чего звонишь, опять в наши края собираешься?

– Не без этого, не без этого... Но не по работе. Мне с тобой поговорить нужно. По личному вопросу. Ты сейчас где?

– В госпитале. И, не сочти за хамство, но со мной тебе лучше сейчас не встречаться. Во избежание, как говорится...

– Свои? Чужие?

Тут я заволновался уже серьезно, услышав в голосе приятеля некую усталость, я бы даже сказал обреченность. С подобным настроением на войне долго не живут, а они, как это не назови, по сути – на войне. Необходимость встречи теперь помножилась на мое горячее желание узнать: какого же моржового там вообще происходит.

– «Чехи». Меня «пасут», плотно «пасут».

– Ты как, транспортабелен, ранение тяжелое?

– Контузия, но уже на днях выписывать собираются.

– Ладно, посмотрим, что там за «пастухи». Я сейчас в Москве, уже подъезжаю к вокзалу. Через сутки буду в Ростове, а там посмотрим. Конец связи.

Отключив телефон, задумался. Несмотря на бодрый тон, идей у меня пока не было. Хотя... Порывшись в своей записной книжке, я выудил оттуда еще один номер.

– Вадик? Как жизнь трудовая? Это «фотоохотник» тебя беспокоит...

– О нет, только не это! Какими судьбами? Опять в командировку? Я после твоих последних выкрутасов до сих пор несколько «натянута» выгляжу. Начальство «имело» меня долго и со вкусом. И даже, представляешь, без вазелина... Так что мой ответ – нет.

– Я же еще ничего не спросил.

– Все равно нет.

Вадим Ерошин командовал разведкой одного из донецких повстанческих отрядов. Прошедший в «войсках дяди Васи» Афган, Таджикистан и первую чеченскую кампанию, он был профессиональным военным до мозга костей и другой судьбы для себя уже не мыслил. Теперь он, выходец из донецкой шахтерской семьи, защищал не абстрактное понятие «Родина», а свой собственный дом. Кроме него мне обратиться за помощью было не к кому. Ну, по крайней мере, в обозримом от Ростова пространстве. А про Вадима я точно знал две вещи: всегда готов помочь друзьям и до зубовного скрежета ненавидит «духов».

– А теперь серьезно. Мне срочно нужна помощь, я в долгу не останусь.

– Что случилось? – голос Вадима сразу посерьезнел.

– Человека нужно одного аккуратно забрать в ростовском госпитале и вывезти из города. Нашего человека, хорошего человека. Вся проблема в том, что он кому-то из своих горных «друзей» любимую мозоль оттоптал. Его вот-вот выписывать будут и, боюсь, до части он не доедет...

– Та-а-а-к... А сам ты где?

– В Москве, уже покупаю билет до Ростова. Буду там, дай-ка сообразить, через двадцать два часа.

– А имя у «хорошего человека» есть? Как мне его искать...

– Лейтенант Покрышкин, Алексей Яковлевич. Ростовский военный окружной госпиталь. Да ты же рассказывал, что как-то раз сам три месяца там валялся.

– Было дело. Ладно, телефон не выключай, если что позвоню. Только пойдет ли твой лейтенант с нами, если придется его срочно «выдергивать»? Ситуации, они, знаешь ли, разные бывают.

– Передашь привет от «фотоохотника», он поймет. Но лучше бы все-таки дожидаться меня, да и пока вокруг госпиталя «принюхаться». Нахрапом не хотелось бы, а то можно неприятностей получить больше, чем было изначально. В расходах не стесняйся, все компенсирую. Ладно. Я на телефоне. Конец связи. И спасибо тебе.

Набираю снова Алексея:

– Леш, это снова я. Ты там один или твоя «боевая братва» с тобой? – Зная любовь и уважение к лейтенанту со стороны его бойцов, был уверен, что наедине с такими проблемами ребята его не оставят.

– Двое здесь. Дежурят посменно в госпитале. Иначе я бы с тобой уже не разговаривал.

– Предупреди по-тихому. Я тут попросил кое-кого за вами присмотреть и, если станет совсем скверно, вытаскивать к такой-то матери. Это если не успею приехать сам. Человек передаст от меня привет. Его позывной «Ерш». Все, конец связи.

Лучше бы, конечно, такие вещи по телефону не обсуждать. Но это уже паранойя. Все-таки против Лехи сейчас играет не «контора», а любительская лига. «Жучка» в палату еще могли сунуть, но это самый максимум. А разговаривать со мной он явно выходил в коридор, в трубке каждый раз отчетливо слышался скрип несмазанной больничной двери.

Поездка до Ростова выдалась спокойной. Телефон не звонил, а я, со своей стороны, никого не «дергал» без нужды. Долго размышлять о причинах такого интереса к Леше Покрышкину я не стал: без дополнительной информации это не анализ, а гадание на кофейной гуще. Главное – «не засветиться».

На следующий день поздно утром, хорошо выспавшись в дороге, я вышел не на ростовском вокзале, а на технической станции Александровка, где поезд притормозил буквально на минутку, немного не доезжая до самого города. Так безопасней: не было меня в городе. И, поймав на трассе попутку, отправился к госпиталю. Вадим с парой-тройкой своих ребят должен быть уже там.

Так оно и оказалось. Созвонившись с Ерошиным, я назначил встречу в кафе неподалеку. Пора заодно чего-нибудь перекусить, пока время предоставляет такую возможность. Так что когда он появился, я уже поглощал яичницу с котлетами. Обнявшись, мы уселись за стол и, пока ждали официанта, я поинтересовался, – что удалось выяснить.

– «Друзей» твоего лейтенанта мы вычислили. Это было не трудно – они не сильно и скрываются. А почему ты не сказал, что он из СпН? Он сам и его парни могли бы легко избавиться от «опекающих»...

– Потому что не хочу поднимать шум, если без этого можно будет обойтись. Ну, навалят они тут «двухсотых» горку, а дальше что? Ловить будут уже с ордерами, причем все наши доблестные органы в полном составе. Да еще «подмазанные» где надо, в сопровождении оркестра из купленных кривозащитников. Можно сделать по-другому. Его непосредственного командира я знаю, нормальный мужик, так что вопрос с увольнением решится в положительную сторону, это без вариантов. И если тихо, без привлечения к этому делу внимания компетентных товарищей, изъять Леху и его парней, я могу их увезти. Есть возможность устроить их по специальности «за бугром», да так, что чечены в жизни никого не найдут. И семьи заодно вывезти. Но нужна помощь со стороны, о которой горцы не знают. Подготовить все и прикрыть на всякий случай, вдруг что пойдет не по плану.

– Теперь понятно. Тогда «слухай сюды». Возле госпиталя у них всего двое. Один наблюдает за центральным выходом, другой постоянно фланирует вокруг. По всей видимости, приценивается к путям проникновения для своих или бегства для твоих. Я сначала даже удивился, чего так мало. Оказалось, что у них там есть информатор. Сегодня утром мои парни видели его встречу с главным среди «чехов».

Основная группа, точную численность пока установить не удалось, сидит на съемной квартире неподалеку. Так что они явно знают все телодвижения твоего летехи. Возможно, просто ждут момента выписки, надеясь прихватить его по дороге. Ну, или если он попытается сбежать. Все-таки здесь им не Грозный, большой шум может получиться. И ловить будут уже их. На трассе им все провернуть явно сподручнее.

– Тогда можно сделать так. Найти машину, тихонько вырубить этого «гуляльщика» где-нибудь за госпиталем, пока его не видят, и в это время быстро вытащить Леху с той стороны здания. Сколько времени у нас будет?

– Они встречаются раз в тридцать-сорок минут. Заступил второй утром. И до вечера, скорее всего, не сменится. Пока наблюдатель у главного входа его хватится, пока побежит искать, пока поднимет тревогу – час у нас точно есть.

Быстро перекусив, мы с Вадимом устроились в его машине и более детально проработали план, сверяясь с картой города на экране ноутбука. Идея была проста, как мычание. Меня здесь никто не знает, так что спокойно захожу в нужное здание, нахожу Леху и жду сигнала от Вадима. Он, в свою очередь, расчищает мне дорогу. Один из его парней неподалеку, сразу за пешеходным мостиком через речку Темерник, ждет в машине. Даже если придется уходить с шумом – у нас будет преимущество. Ближайший автомобильный мост довольно далеко. А если удастся не засветить машину, то нас вообще можно искать долго. И, надеюсь, безрезультатно. Впрочем, это я уже «мандражировал». Все должно пройти штатно.

Операция прошла так, как и задумывалась. Позвонив Алексею, передал только: «десяти-минутная готовность». А затем неторопливо направился по подробно обрисованному Вадимом маршруту. Поднявшись на нужный мне третий этаж и пройдя по длинному, покрашенному голубой масляной краской коридору, увидел Славу Васина, бойца из подразделения Лехи. Тот при виде меня явно облегченно вздохнул и пару раз негромко стукнул в дверь. Оттуда появился уже полностью одетый Алексей. Обнявшись, я отстранился на длину вытянутых рук:

– А теперь, варяги, делаем отсюда ноги. Давайте за мной.

На втором этаже я деловым шагом подошел к окну.

– Ждем сигнала.

Когда раздался звонок телефона, я снял трубку:

– На связи.

– Дорога свободна.

– Понял.

Вынув из кармана большой перочинник, несколькими движениями вскрыл слой краски на створке рамы. Окно, чуть посопротивлявшись, распахнулось, и одним прыжком я оказался на заросшем высохшей сорной травой блекло-желтом газоне позади больничного корпуса. Быстренько посторонившись, дождался «выпадения» из оконного проема еще двоих вынужденных «десантников». И, приглашающе махнув рукой, широким шагом направился в нужную сторону. Парни, так же молча, последовали за мной. Все прекрасно понимали – для разговоров время еще будет.

Спокойно перейдя через реку, где нас встретил Вадим, сели в машину. Водитель тронулся с места сразу, только услышав звук захлопнувшихся дверей. Пунктом назначения был Новочеркасск. Вадим сразу достал телефон и отправил своего человека, наблюдавшего за вторым «пастухом», туда же. Алексей с моего аппарата, сделал то же самое для своего второго «телохранителя», отсыпавшегося на съемной квартире. А уже через полтора часа мы собрались все вместе, после чего я попрощался в Ерошиным.

– Спасибо, Вадим, выручил. Если что – звони, я перед тобой в долгу.

– Может, и позвоню. Дела у нас там не слишком веселые. Если что – сможешь меня переправить туда же, куда и этих ребят?

– Не вопрос. Вот это адрес «электронки». Проверяю раз в несколько дней, на меня не «завязана». Номер телефона сейчас сменю, на почте будет новый, читать с конца. На самый крайний случай вот телефон моего отца, полковника Караулова. Представись «Ершом», спросишь «фотоохотника». Он будет в курсе, скажет мои координаты. Ну, будь жив.

Мы обнялись и через несколько секунд разошлись. Парням, от которых я за это время не услышал ни слова, даже имен их не узнал, просто крепко пожал руки. Им нужно возвра-

щаться в Донецк. Мы же отошли в скверик неподалеку. Оставив ребят там и не ответив пока на их вопросы, вернулся на вокзал. В кассе выкупил на свое имя все четыре билета купе до Екатеринбурга. Мол, один и поеду, просто попутчики не нужны, отдохнуть желаю. Девушка за стеклом хоть бы ухом повела – любой каприз за ваши деньги. После чего вернулся за ребятами – поезд должен был отходить через полтора часа. А кассирша, судя по графику работы на стекле, сменялась меньше чем через час. Это, как говорится, я удачно зашел.

– Так, а вот теперь можно и поговорить, – вытащил я из пакета принесенные из вокзальных киосков бутылки с минералкой. – Рассказывайте.

– Да что тут рассказывать-то, задница полная, куда не повернись.

М-да. Чего-то такого я и ожидал. История была проста и незамысловата. Лейтенант со своими ребятами во время одного из рейдов в горной части Чечни нарвался на небольшую группу вооруженных горцев. Понятно, случайно – обычно обо всех передвижениях военных «духи» знают раньше, чем парни успевают базу покинуть. Да и шли по наводке совсем за другим человеком. А тут, по всей видимости, какая-то накладка у боевиков вышла.

В общем, среди убитых оказался сын «очень уважаемого человека». Тот объявил о кровной мести и начал «копать». Все бы ничего, не первый раз, но... нашлась какая-то продажная тварь и «слила» информацию по группе. И фамилии с именами и званиями, и место дислокации подразделения.

В живых их оставалось к тому времени трое из бывшей на месте столкновения четверки. «Чехи», когда узнали данные на всех троих, объявили на них охоту. И информация эта появилась сразу из нескольких источников. Так что, скорее всего, она и вовсе не скрывалась ни от кого. Чтоб, значит, страшнее было. И первым попал под удар как раз летеха.

В машину, в которой он ехал по служебным делам в Ростов, прилетел «гостинец» из РПГ. Выжил по чистой случайности – как раз собирался выйти «отлить», когда увидел реактивную струю приближающейся гранаты. Дверь была уже открыта, так что сумел выпрыгнуть, отделался лишь контузией. А вот солдатик-водитель отреагировать не успел. Там, в машине, и остался. Уже в больнице подбросили записку с предупреждением: все равно достанем. И семью тоже. И адрес матери. Рапорт по командованию ничего не дал. Стрелявшего не нашли.

И что в такой ситуации делать? Командование заниматься защитой какого-то лейтенанта и его близких не станет. Ждать нового покушения? А семья, место жительства которой боевикам известно? Но, как говорится, «нету тела – нету дела». Пока их не убьют и полиция-милиция не почешется...

После того, как услышал этот грустный рассказ, я взял дело в свои руки.

– В общем, парни, свои перспективы вы стопудово знаете лучше меня. Ничего хорошего вас там, в будущем, не ждет. Но, может, я не прав? У кого какие предложения?

– Да валить их всех нужно, – со злостью в голосе высказался Славик Васин. – Если эти суки думают, что заставили нас бояться, то я готов их удивить. Смертельно так удивить.

Зная Васина как прекрасного снайпера, по своим возможностям намного превосходящего обычный общевойсковой уровень, я в этом ни минуты не сомневался. Но вот его реакция на ситуацию была реакцией боевика, но никак не командира, способного взвешенно подходить к любой проблеме. Например, к проблеме остающихся дома семей, оказывающихся под ударом.

– У тебя же есть план, иначе ты бы во все это не ввязывался, – Алексей откинулся на спинку лавочки. – Давай сначала тебя послушаем.

– В общем, есть вариант поработать по контракту далеко за границей. И семьи туда перетаскать. Пусть и не сразу. Пока же их перевезем в маленький периферийный городок здесь, в России. На месте работы условий для них пока нет. Но, как только вы будете готовы их принять, они присоединятся к вам. Дело нескольких месяцев.

Тут я немного темнил, конечно. Но выкладывать на стол все карты мне категорически не хотелось. Будет еще для этого время, в самый последний момент.

– И им работу подберем, если захотят. Понятно, что никому из них не понравится бросать налаженную жизнь, но это единственный безопасный вариант. Сами понимаете. Заложники для наших горных друзей – излюбленный способ действия. Как только вы все покинете территорию Российской Федерации – вы сорвались с крючка. Вопрос с прекращением контракта на вашем нынешнем месте службы тоже можно решить. Скорее всего полюбовно. Но, в самом крайнем случае, устроим «автокатастрофу» или еще какой липовый несчастный случай. Вот, вкратце и все.

– Я уже позвонил матери, – угрюмо глядя в сторону близкого вокзала, признался лейтенант. – Она со Светкой, моей сестрой, сразу уехала к тетке в Петрозаводск. Отпуск взяла и уехала. У Ивана родители в Сибири живут, в глухой деревушке. Там, у кержаков, нрав простой, «стволы» в каждом доме есть. Славик и вовсе детдомовский.

– И долго ваши родные прятаться будут? Или отстреливаться от абреков с «калашами»?

– А «далеко за границей» это где? – поинтересовался молчавший до этого Иван.

– Кто наниматель? Что за работа и почему ты уверен, что там нас не найдут? Диаспора у них по всему миру есть.

– Работа... Охрана грузов и «караванов», разведка местности и противодиверсионные мероприятия. Оплата в три раза больше, чем в армии. Дело новое, интересное, перспективное. Это максимум информации, который я вам сейчас могу дать. Ну, и еще намек: там круглый год лето... А нанимателем буду я сам.

Глава 7

Из Екатеринбурга до Бийска добирались точно так же, в одном купе по моему паспорту. Еще подъезжая, отзвонился Виктору-таксисту, и тот нас уже ждал у вокзала. Первое дело – обеспечить ребят жильем на те неделю-две, что отводил на подготовку к новой попытке разведать путь к озеру. А пока парням предстояло экипироваться и пройти вакцинацию. Дело это не быстрое, но необходимое. Витя обещал показать все, что нужно, так что за ребят я не волновался.

Дал и еще одно поручение – снять дом где-нибудь на окраине Горно-Алтайска. Желательно поближе к трассе, чтобы не привлекать внимания соседей к постоянному движению новых людей и транспорта.

Обязал заодно и в Интернете порыться на предмет информации о первой помощи при укусе ядовитых змей. Понимаю, что азы при подготовке спецподразделений даются. Но знаю и другое. Знания, которыми не пользуешься, имеют свойство из памяти очень быстро выветриваться. А наплевательское отношение нашего человека к опасностям, которые он считает несущественными, по-моему, известно во всем мире. Ну кто в России, скажите на милость, будет забивать себе голову отличительными признаками африканских пресмыкающихся? Правильно, никто. А ребятам еще придется полюбоваться на сих гадов.

Мой же путь лежал в Москву, причем с остановкой в Новосибирске. Перед посещением столицы нашей Родины я намеревался заехать в крупнейший в России серпентарий, расположившийся именно в этом сибирском городе. «Гадская» проблема была не из тех, на которую можно было по русской привычке «забить и забыть». Терять же людей из-за отсутствия нужного препарата очень не хотелось. Сам себе не прощу. Но куда еще у нас обратиться за консультацией, а возможно и за сывороткой – даже не представлял. Все-таки антидоты от ядов экзотических для нас африканских змей на каждом шагу не продаются. Тем более, как я прочитал, им требуется обеспечивать специальные условия для хранения. Так что придется, по всей видимости, приобретать переносную сумку-холодильник. Впрочем, сегодня это не проблема.

Так и вышло. Деньги, как оказалось, серпентарию были нужны как воздух, поэтому с нужными препаратами проблем не возникло. Заодно получилось послушать краткую, но довольно исчерпывающую консультацию. Ее дал единственный, а потому ведущий, специалист по редким для нашего региона пресмыкающимся. Заодно договорился, что необходимые мне антидоты здесь буду заказывать и впредь. Понятно, что у серпентария, ну, или у конкретного директора, будет оседать некая маржа. Но это, по-моему, все-таки лучше, чем самому мотаться за лекарствами в Европу или тем паче в Африку. На одних перелетах разориться можно.

А вот в первопрестольной дел у меня прибавилось. И главное из них – встретиться с отцом. Созвонился с ним я из поезда и рассказал о проблеме ребят с контрактом. Еще несколько дней, я так думаю, пройдет, прежде чем их командир будет вынужден дать делу официальный ход. Пока юридически Алексей на излечении, ребята в служебной командировке. Сроки не вышли. И этим временем нужно воспользоваться. Как и связями отца. По сути своей, вопрос с прекращением контракта можно утрясти достаточно просто, не срочники, в конце концов. Главное, чтобы командир части не был против. А он подставлять ребят точно не захочет, неплохой мужик и ситуацию наверняка понимает лучше меня. Рапорт о желании прекратить контракт по «семейным обстоятельствам», решение аттестационной комиссии и все свободны.

В крайнем случае можно организовать увольнение по отрицательным мотивам. По большому счету всем троим главное – выжить и уберечь родных, а не сохранить чистым послужной список. Тем более, если им в Российской Федерации работу не искать. Надеюсь, отцу будет

достаточно повидаться с кем-нибудь из своих бывших сослуживцев, чтобы вопрос «закрылся» в кратчайшие сроки.

Давно пора заглянуть и в РУДН, забрать у студентов готовую работу и выплатить им остатки гонорара. Надеюсь, отработали они хорошо. Иначе придется заглянуть к ним еще раз. Впрочем, дело для них явно не сложное. Сильно схалтурить не должны.

Третий вопрос, который предстояло решить – покупка «Пеликана». Найдя по объявлениям в сети продающийся самолетик нужной модели, я уже договорился с владельцем о демонстрационном полете. Да и цена оказалось меньше, чем я боялся. Поторговавшись, все-таки не в магазине приобретаю, я сбил цену с семидесяти тысяч «баксов» до шестидесяти пяти. Так что, если «птичка» взлетит и сядет нормально, буду брать.

Понятно, что к ней полагается и механик. Но, как мне кажется, на такое летательное средство достаточно все-таки рукастого мужика, разбирающегося в двигателях вообще. Все же не «Боинг» и не «Арбуз». Не перевелись у нас еще «кулибины», особенно если отъехать подальше от столицы.

Задаток за мою квартиру отец уже получил, добавлю к этой сумме свои накопления, и останется немного денег, чтобы грузовиком отправить самолетик на Алтай. Перегонять его своим ходом – делать три-четыре посадки на дозаправку. Огибая российско-казахстанскую границу, получается заметно больше трех тысяч километров. Для таких дальних перелетов он все же приспособлен мало. Зато влезет в обычную фуру размером со стандартный морской сорокафутовый контейнер. Ну, если снять двигатели и крылья отсоединить. И окажется на месте как бы и не быстрее меня.

Обойдется транспортировка, правда, «всего» в сто пятьдесят тысяч рублей. Своим ходом, конечно, дешевле, но в случае любого ЧП расходы будут нарастать лавинообразно. Так что лучше уж погрузить в машину и не переживать. Тем более что от того, в каком состоянии машина доберется до места назначения, напрямую зависит моя собственная жизнь. Ведь и мне на нем летать.

На все про все день. А уже вечером вылет в Питер. Нужно вывозить из Петрозаводска семью Алексея. Как оказалось, тетка, к которой они поехали – это подруга детства Лешиной матери, а вовсе не родственница, как я вначале подумал. Так что найти их там чужим и недобрым дядям будет действительно трудно, ведь нигде в семейных документах она вообще не фигурирует. Номер телефона и адрес у меня были, а лейтенант, со своей стороны, должен их предупредить. Так что дом в Горно-Алтайске он будет подыскивать в том числе и для них. Что, надеюсь, только придаст ему мотивации.

Вечно озабоченная Москва встретила меня промозглой ноябрьской сыростью, сделавшей бы честь Питеру. Даже оранжево-коричневая листва практически не летала. Набухшие от воды тяжелые осенние листья, прибитые к асфальту ногами нескольких миллионов горожан, запутавшийся среди многоэтажной застройки ветерок поднять оказался уже не в состоянии. Обнаженные скелеты деревьев на фоне сумрачного, набрякшего влагой неба, печально установились ветками в облака.

Отец, как оказалось, приехал сюда уже больше суток назад. Причем не на поезде, а на моем «гольфе». Так что «колеса» обещали существенно ускорить передвижения по столице нашей Родины. С неким человечком, в стенах родного Министерства обороны, он уже успел переговорить. Тот обещал все решить за весьма символическое вознаграждение. По чиновничьим меркам. Причем себе, по старой дружбе, ничего не брал. Деньги были необходимы в качестве «смазки», чтобы максимально ускорить весь процесс увольнения из рядов неких трех военнослужащих. Без всякого шума и совершенно ненужной огласки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.